

В. Г. Короленко

Письма из Полтавы

I

"Новая страница"

Полтава пережила еще один переворот. К вечеру 15/28 июля большевики спешно эвакуировались. Это было более похоже на паническое бегство, чем на отступление... Отошли с Киевского вокзала последние эшелоны... Потом -- небольшая канонада по городу, трескотня ружейных и пулеметных выстрелов. Над домами в темноте разорвалось несколько снарядов. Трудно сказать, были ли при этом жертвы и сколько их было. Кажется, во всяком случае, немного... И вот, в истории нашего города, пережившего так много переворотов, -- открывается новая страница.

Начало ее -- нерадостно. Когда я, на второе утро после занятия города, писал эти строки, -- кругом шел сплошной погром и грабеж. Врывались в квартиры, населенные евреями, обирали семьи даже последних бедняков, уходили одни, приходили другие, забирали, что оставалось от прежних посетителей, и уходили... А на смену шли опять новые. В совещании, которое происходило в Думе на второй день, было заявлено, что в некоторых семьях грабеж повторялся по семи и более раз. Сегодня (на третий день) вести опять нерадостные: сплошной грабеж еще продолжается на некоторых улицах. Впрочем, появился приказ, воспрещающий грабежи и грозящий расстрелами грабителей на месте. Два случая таких расстрелов уже имели место на третий день.

Перед уходом большевиков они отпустили из тюрем 150 красноармейцев, конечно сидевших за более или менее тяжкие уголовные преступления. Потом пришла какая-то загадочная повстанческая банда, разгромила тюрьму и арестантские роты и выпустила всех заключенных с самым мрачным прошлым. При этом условии жители ждали скорейшего занятия города, надеясь на защиту войск. Надежда не оправдалась: военные отряды дают тон, а худшие элементы города идут навстречу погромному течению. Вещи, выкидываемые из еврейских жилищ, подхватываются "штатскими", даже подростками, которые водят казаков от двора к двору, указывая евреям... Это много обещает для нравственности этой молодежи на ближайшее будущее.

"Грабят только евреям... И при этом никого не убивают"... Это правда, -- но какое это жалкое оправдание, напоминающее худшие времена того прошлого, к которому нет и не должно быть возврата... Среди заложников, которых увозили большевики при своем отступлении навстречу мрачной и тяжелой неизвестности, -- было немало и евреям. Всей Полтаве известно, что вынесли представители состоятельного еврейства, отправленные на принудительные тыловые работы... Тридцать пять человек доставлены в больницы со следами таких истязаний, что даже один из членов большевистской комендатуры написал на протоколе: "Смерть негодьям, опозорившим большевистскую власть такими жестокостями"...

Евреи тоже страдали, значит, от некоторых сторон большевистского режима. Это была преимущественно более состоятельная часть еврейства, хотя нередко томилась в чрезвычайках и еврейская мелкота. Теперь, как это бывает при всех погромах, страдают больше всего бедняки: мелкие торговцы, ремесленники, тяжелым трудом добывающие средства скудного существования, лишаются последнего имущества, которое уцелело от большевистских "реквизиций".

Да, нерадостно началась новая страница местной истории, омрачившая первые дни того режима, которого несомненно многие ждали, как начала эры твердой законности и устойчивого права¹. Права широкого, охватывающего одинаково все нации, все исторически сложившиеся классы, все слои существующего общества. Теперь и эти люди спрашивают себя: с этого ли должна начинаться новая эра. Когда же рассеется эта туча узкого ненавистничества, погромов и слез.

-- -- --

Эту скорбную страничку из жизни нашего города я написал в первые дни, когда на улицах города еще продолжался грабеж. Я хотел написать серию небольших писем в местной газете, которая наконец вышла после отсутствия всякой прессы, кроме большевистских официозов. Мне казалось невозможным, недостойным "свободной" прессы начинать беседу с читателем -- с умолчания о главном, о том, что все видят, что требует громкого протеста. Но... ни этой, ни следующей заметке не суждено было увидеть света... Попытаюсь хоть теперь отметить эту "новую страницу", с ее характерными чертами... Беда не в том, что будут говорить об этом. Об этом все равно говорят все, может быть даже с преувеличениями. Беда в том, что это было. И молчать об этом, значит только -- опять прибегать к политике страуса...

Вл. Короленко

II

Трагедия бывших офицеров

28 и 29 июля настоящего года у нас в Полтаве расстреляны два офицера: подпоручик Вячеслав Зверев и поручик Николай Николаевич Тверитинов. Об обстоятельствах дела Зверева мне ничего не известно, но пример Тверитинова имеет яркое показательное значение. В приказе о предании его суду (№ 11, от 27 июля) говорится, что, "будучи мобилизован советскими властями, он своей отменно усердной службой снискал доверие высших агентов большевистского правительства и, благодаря этому, занимал ряд ответственных должностей в Красной Армии: командира продовольственного транспорта, командира кавалерийского дивизиона, каковой и формировал сам... занимал должность начальника штаба 4-й стрелковой Украинской дивизии"... За все эти действия Н. Н. Тверитинов 29 июля осужден военно-полевым судом и расстрелян. Тверитинов просил о вызове свидетелей, которые могли, быть может, установить обстоятельства, изменяющие картину его отношений с советской властью. Но в вызове свидетелей ему отказано. Защиты, как известно, в военно-полевых судах не бывает. Значит, приказ о предании суду является вместе с тем и формулой приговора, опровергнуть которую подсудимый лишен возможности.

Этот пример характеристичен для истинно трагического положения бывших офицеров. Близкие к Тверитинову люди говорят мне, что он ждал прихода добровольческой армии, как избавителей из большевистского пленения. Он был "мобилизованный". При отходе большевистских войск он и не подумал уйти с ними... Что же теперь делать другим офицерам, мобилизованным большевиками? Не придется ли им после этого урока уходить с большевиками и продолжать драться с добровольческой армией, если не по убеждению, то для спасения своей жизни, нужной для их семей, если не для отечества (у Тверитинова 8 человек детей). Правильна ли такая политика?

Почему Тверитинов не ушел от большевиков ранее, -- я не знаю. Многие бывшие офицеры, мобилизованные в Красную Армию или в другие учреждения, не уходят просто потому, что они не герои, готовые пренебречь всем для той или другой идеи. За отсутствие героизма -- наказывать нельзя. На одном героизме нельзя построить широких объединений. Между тем все бывшее офицерство у нас теперь на положении подсудимых и угрожаемых. Полтава то и дело видит на своих улицах целые отряды из бывших офицеров, которых гонят в тюрьмы, как арестантов. Еще недавно они были на подозрении у большевиков. Их хватали, сажали в тюрьмы, грозили расстрелами и порой расстреливали. Теперь их опять сажают в тюрьмы и опять расстреливают. За что же теперь?

Допускаю самый редкий случай: Тверитинов или другой мог примкнуть к большевикам, искренно увлеченный их лозунгами. Не надо закрывать глаз на истину: такие искренние люди есть и среди большевиков, и мне приходилось встречать их. Допустим, что офицер такого настроения попадает в плен добровольческой армии. Я знаю, что при нравах и обычаях междуусобной войны обе стороны расстреливают пленных офицеров. Всякая война ведет к озверению, а междуусобная война отбрасывает даже те смягчения, которые уже давно вошли в нравы войны международной. Я глубоко убежден, что это вредно даже с чисто утилитарной точки зрения. Ко мне однажды пришел со слезами на глазах солдат (все равно какого лагеря). Он пошел по убеждению, но увидел себя лицом к лицу с проявлениями озверения в виде расстрелов противника за убеждения и не мог помириться с этим: каждая казнь уже обезоруженного пленника, каждое убийство только за инакомыслие рождает новых противников, ослабляет энтузиазм со стороны лучших приверженцев.

Что же сказать о казни, подобной казни Тверитинова? Он был у большевиков, но он не ушел с ними, а пошел навстречу добровольцам. Может быть, он тоже разочаровался, а может, просто был "не герой" и не сумел вырваться ранее. И вот его казнили... Какие чувства вызовет это в других бывших офицерах? Не должна ли эта казнь вызвать реакцию после первого радостного порыва? И мне действительно говорят уже о том, что в среде этих "бывших" начинается реакция: начинают снимать погоны, начинают даже дезертировать.

В день казни Тверитинова я был у начальника Полтавского гарнизона, ген. Непенина². Он сказал, что я пришел поздно: приговор уже приведен в исполнение. Во время разговора, когда я попробовал высказать соображения, приведенные выше, -- генерал ответил мне, что он не вправе пускаться в соображения политического свойства о последствиях того или другого закона. Закон ясен. Инструкции тоже ясны. Он их только применяет, хотя и с стесненным сердцем. И конечно, генерал был по своему прав. Но я думаю, что этот "ясный закон" и ясная инструкция вносят в кровавый туман, заволакивающий будущее нашего отечества, такую трагическую черту, которая только сгущает мрак.

Я считаю, что программа ген. Деникина, если ее честно провести до конца, дает приблизительно то, на чем могло бы в конце концов устояться разбушевавшееся море русской жизни для отдыха и нового движения. Но между всякой программой и ее конечным выполнением лежит еще преломляющая среда и прежде всего среда, проводящая эту программу. Важно поэтому, чтобы обозначились не только приемлемые цели, но чтобы и средства применялись правильные. А то, что пережила Полтава в первые дни по занятии и что продолжает переживать теперь, кажется мне ведущим к результатам противоположным³.

Полтава не в первый раз становится объектом завоевания. Может быть (кто знает), и не в последний. И ко всякой вновь приходящей власти приходится обращаться с

напоминанием -- вспомнить не только о стратегии и ее трофеях, но и о таких высших и более широких началах, как свобода и справедливость... Я уверен, что этот призыв уже носится в воздухе, рождаясь в глубине истерзанных и стосковавшихся сердец.

И не следует говорить: сначала победа, а потом подумаем о справедливости, свободе, гуманности и тому подобных началах... Это как раз та формула отсрочки, с которой погибла царская власть...

III

Власть или шайка

Через несколько дней по занятии Полтавы добровольческой армией я, вместе с П. С. Ив[ановск]ой, товарищем председателя Политического Красного Креста, отправились в контрразведку. Политический Красный Крест, -- учреждение, нелегальное при самодержавии, -- у нас в Полтаве легализировался еще до большевиков и часто служил посредником между населением и разными "чрезвычайными" учреждениями. Большевики в Полтаве признали это посредничество, и хотя чрезвычайная комиссия косилась порой и выражала нетерпение на "неуместное вмешательство", но П. С. Ив[ановск]ой и мне лично удавалось все-таки поддерживать посредническую роль. Такое "посредничество" нейтрального учреждения и лиц, имеющих в виду лишь человеколюбие и возможную справедливость, никогда не может повредить никакой господствующей в данное время власти. Оно вносит критику в ее действия, удерживает слишком страстные порывы, приводит все аргументы, которые нужно знать власти "с другой стороны" и в конце концов способствует смягчению ужасных нравов междуусобья. Если бы это было признано сразу, -- то, наверное, не случилось бы у нас многое, о чем новой власти приходится и еще придется пожалеть...

Посредническая роль Политического Красного Креста признавалась во время кратковременной власти в Полтаве петлюровцев, Политический Красный Крест действовал также все время при большевиках.

Теперь пришла новая власть, еще ни разу не бывшая в Полтаве. На меня лично уже давно легла своего рода тяжелая повинность. Еще при самодержавии каждый раз, когда в городе или губернии случались те или другие эксцессы власти (вроде "сорочинской трагедии"), ко мне шли и требовали вмешательства печати. Это создало привычку, и теперь ко мне то и дело обращались с такими же жалобами и требованиями. Большевики задушили независимую печать. Я никогда не работал в официозах, а некоторые приемы "коммунистического органа" лишили меня всякой возможности прибегать к "Известиям" даже с простыми "письмами в редакцию". Значит, печать, как орудие хотя бы местной гласности, было у меня отнято. Оставалось "непосредственное воздействие". Я, параллельно с Политическим Красным Крестом, не мог отказываться от этой тяжелой повинности. П. С. Ив[ановск]ая посещала тюрьмы, помогала заключенным, ходатайствовала, подавала заявления. По самому характеру момента содержание этой работы определила сама жизнь. "Политический Красный Крест ходатайствует за контрреволюционеров... Короленко тоже", -- говорили иные чрезвычайники. В тюрьмах сидели все люди, настроенные не большевистски. Произволу и административным воздействиям (вплоть порой до бессудных расстрелов) подвергались бывшие помещики, крестьяне-хлеборобы, записанные в официальные списки и порой ничего общего с официальной партией, поставившей гетмана, не имевшие, юнцы гимназисты и гимназистки, бывшие офицеры, старики генералы, мелкие торговцы евреи, бедняки крестьяне,

ставшие жертвою подлых ложных доносов и т. д. и т. д. Борьба с произволом чрезвычайки значило фактически -- отстаивать все ее жертвы... И мы это старались делать...

С приходом каждой новой власти нам предстояло в сущности делать то же дело. Страсти поворачивались теперь в другую сторону, объекты стали другие, но страсти оставались теми же страстями, часто слепыми и жестокими. Вопрос для нас состоял в том -- пожелают ли эти новые власти прислушиваться к голосу "со стороны", уже доказавшему свое беспристрастие и спокойное стремление к справедливости и смягчению жестокостей. Труп учителя Ямпольского, весь день лежавшего на улице и несомненно расстрелянного "сгоряча" "неизвестно кем", -- трагически красноречиво напоминал о необходимости такого нейтрального вмешательства. И мы с П. С. Ив[ановск]ой пошли в Контрразведочное "бюро", чтобы определить новое положение Политического Красного Креста и знать, как нам отвечать на обращение местных людей, которых ураган междуусобья ударял теперь с другой стороны.

Нас принял начальник контрразведки, полковник Щ., -- человек с видимой жандармской выправкой. Я не стану воспроизводить всего разговора, происшедшего между нами, укажу только на одну черту, на мой взгляд очень характерную. Едва я упомянул о роли Политического Красного Креста "при смене разных властей", как полковник, подняв голос, сказал:

-- Позвольте вам заметить, что вы напрасно говорите о смене властей. Власти до сих пор не было... Была лишь шайка разбойников...

Я тоже "позволил себе заметить" строгому полковнику, что знаю употребление русских слов и знаю, что, когда та или другая группа приобретает возможность издавать декреты, признаваемые на огромном пространстве отечества, когда она на этом пространстве устанавливает свои учреждения, свои суды, которые судят, приговаривают и приводят приговоры в исполнение, то я называю такую группу властью и думаю, что я прав... Так было при гетмане, так было при Петлюре, так было и при большевиках. Значит, я вправе повторить опять: "при смене разных властей" и т. д.

Понятно, что разговор, начавшийся таким образом, не мог привести к удовлетворительным результатам, и Политический Красный Крест признания не получил... Но меня интересуют в данном случае не столько непосредственные результаты разговора, сколько точка зрения, выраженная этим полковником.

В самом деле: власть или не власть были большевики? В приказе о предании суду поручика Тверитинова (номер 11) говорится прямо, что он содействовал *"власти и войскам советской Республики"* в их враждебных против вооруженных сил Юга действиях. Я мог бы, значит, в разговоре с моим строгим собеседником сослаться на этот официальный документ. Но нужно сказать, что в другом приказе по поводу подпоручика Зверева говорится уже, что "поступив в преступное сообщество большевиков" и т. д. Можно, значит, сказать, что и в отношениях власти к большевизму тоже существует нерешительность и колебания. Между тем от определенного ответа на этот вопрос -- власть или шайка? -- зависит многое. Если была большевистская власть, то и те, кто в это время исполнял те или другие официальные обязанности, являлись лишь агентами "существовавшей власти" и их действия подлежат обсуждению с одной точки зрения: как они ей служили. Совершали или не совершали преступление по существу. Если это только преступное сообщество (слова другого приказа) или "шайка разбойников" -- как говорил полковник Щ., -- тогда является преступлением уже самый факт службы и исполнения известных обязанностей, потому что всякое содействие разбойникам, хотя бы и

косвенное, есть несомненное преступление. Даже музыкант, "по мобилизации" участвовавший в оркестре, услаждавшем слух разбойников, тоже подлежит ответственности...

И я знаю случаи, когда музыканты, мобилизованные советскими властями, принуждены были скрываться, как красноармейцы, деятельно выступавшие против добровольцев...

Из моего письма о судьбе офицеров, уже расстрелянных или ждущих еще решения военно-полевого суда, -- а также из моих следующих писем, если им суждено увидеть свет, будет видно, как важна определенность ответа на этот вопрос и какой ответ является, по-моему, единственно возможным, вносящим определенность, прочность и необходимую степень терпимости и устойчивости в положение занимаемых добровольцами местностей, могущим рассеять залегающий над нами кровавый туман...

5 августа 1919 г.

Вл. Короленко

IV

Власть доноса

Когда-то давно, еще в 90-х годах прошлого столетия, когда я жил в Нижнем Новгороде, у меня был произведен обыск. Никакого резонного повода для него, очевидно, не было, и я к этому давно привык. Но все-таки обыск в квартире, произведенный в присутствии понятых и привлекший внимание соседей, -- казалось мне, должен иметь какое-нибудь более или менее резонное объяснение. Я пошел объясняться с жандармским генералом Познанским.

На мой негодующий вопрос генерал, по-видимому все-таки несколько сконфуженный, попросил меня пройти в соседнюю комнату и указал на средних размеров сундучок, плотно набитый бумагами.

-- Знаете, что это такое? -- спросил он. -- Это все доносы, -- анонимные и неанонимные. И доносы эти не от наших официальных агентов, а... от обывателей-добровольцев...

-- Охота же вам обращать внимание на это негодяйство... и срамиться.

Он пожал плечами.

-- Большую часть мы и оставляем без внимания. Но всего оставлять без внимания нельзя. Доносчики доносят и на меня высшему начальству. И порой у меня запрашивают: почему не обращено внимания на донесение такого-то о том-то?.. Вот такой донос поступил и на вас, и я должен был произвести обыск... Мы сами во власти доноса...

Власть доноса, -- власть не только подлая и безнравственная, но и опасная. Как-то мне раз пришлось объясняться в чрезвычайке по поводу группы хлеборобов, скромных людей, не занимающихся никакой политикой. Я привел убедительные резоны, что этих людей, с точки зрения даже большевистской власти, лучше всего отпустить в их деревню к весенним полевым работам...

-- Это так, пожалуй, -- сказал один из "чрезвычайников", видимо поколебавшийся. -- Но что же мы скажем "нашим крестьянам".

"Наши крестьяне", -- это значит та часть крестьян, то порой ничтожное меньшинство, которое во имя большевизма держало в страхе массу населения властью гнусных доносов. Отпустить арестованных -- это значит ослабить значение

этого меньшинства на месте. И бедняги арестованные сидели дни и недели во славу доноса тех самых людей, которые, быть может, теперь также ретиво доносят новой власти, прикидываясь ее друзьями. И чрезвычайка, в которой сменялись разные люди, порой дурные, порой недурные, -- так до конца не могла освободиться от власти доноса.

Эта гнусность, этот доносительный яд -- составляет самостоятельную и очень вредную силу. Есть разные борющиеся партии: большевики, петлюровцы, добровольцы. Есть махновцы и григорьевцы, ведущие свою особую линию... И есть еще -- доносчики, перекидывающиеся со своим гнусным оружием то на одну, то на другую сторону. Это не борьба в пользу той или другой идеи. Это орудие сведения личных счетов.

У нас в Полтавщине был один разительный случай такого рода. Ссорились два брата, и ссора приняла, как это часто бывает, самый ожесточенный характер. Когда пришли большевики, -- один из братьев донес на другого, что он контрреволюционер... "Ну, вот. Посиди-ка, дружок... Будешь знать"... Потом он образумился, пошел в уездную чрезвычайку, чтобы снять оговор... Оказалось, что уездная чрезвычайка не дремала: ему сообщили, что контрреволюционер уже расстрелян...

И всякая "перемена власти" ведет за собой новую вспышку доносничества. Теперь у нас гуляет лозунг: "Вот комиссар... Лови комиссара". Приказ о том, чтобы все, кто знает местопребывания "комиссаров", непременно об этом доносили, -- особенно раздувает эту вспышку... Приказ... Значит, можно усердствовать и порой переусердствовать в исполнении. Конечно, настоящие комиссары, занимавшие ответственные должности и действовавшие в чисто большевистском духе, давно эвакуировались. Остались только те из занимавших какие-нибудь официальные посты во время большевизма, которые готовы дать ответ за свои действия и уверены, что их строго не осудят.

Но рвение доносителей не знает пределов... В первые же дни, когда еще не стихло впечатление канонады и перестрелки, когда не знающие местных обстоятельств добровольческие власти огляделись по сторонам, опасаясь притаившихся врагов, -- охочие доносители, -- часто те самые, которые прежде кричали: "вот он, контрреволюционер", теперь принялись кричать: "вот комиссар". Две дамы поссорились "по-соседски". Одна уже доносит на другую или на ее мужа... Юноши, почти мальчишки, видели такого же юношу с красным бантом. При большевиках этот юноша "очень козырял" перед ними. Теперь они кричат: "ловите его. Это комиссар". И его ловят... И дальнейшие следы его теряются в мрачной неизвестности... {"Дело некоего Финтиктикова, бывш. смотрителя какого-то склада, выданного доносчиками за опасного "комиссара"..." -- *Примеч. В. Г. Короленко.*}

Вот еще один случай этого рода. С более благополучным окончанием. 18 июля, то есть на третий день по вступлении добровольцев в Полтаву, вечером был арестован в своей квартире И.О. Немировский. Об нем было сообщено лжедоносителями, якобы он был председателем революционного трибунала и подписал более 100 (!) смертных приговоров! Значит, церемониться нечего!

Немировский был болен, и его пришлось оставить под караулом на его квартире. И это, может быть, большое счастье. Его пришлось бы вести близ тех самых мест, где в этот день до самого вечера лежал труп бедняги Ямпольского, расстрелянного кем-то в качестве "опасного комиссара", а на деле оказавшегося безобиднейшим учителем гимназии... Но Немировский был оставлен до утра, а тем же вечером явились в

контрразведку местные обыватели с просьбой охранить арестованного от возможных случайностей. Наутро было с точностью установлено:

1) Что военно-революционный трибунал в Полтаве не вынес ни одного смертного приговора.

2) Что Немировский не был его председателем.

3) Что он сам судился в этом трибунале за то, что во время первой эвакуации, состоя членом тюремной инспекции, освободил всех политических заключенных, которые благодаря ему избегли "случайностей" замешательства при эвакуации и теперь живы и свободны...

Вот что осталось от этих воплей охочих доносителей "Лови опасного комиссара"... И вот как опасно доверять этим охочим людям, добровольцам сыска и доноса...

И кого только нет в рядах этих охочих людей... Тут, как я уже говорил, и юнцы, и солидные люди... Называют еще одно лицо, занимавшее видное общественное положение, которое не побрезгало ткнуть перстом в неприятного ему человека и потребовать его ареста на улице. Не будем называть его. *Nomina sunt odiosa*.

...Но еще более одиозны поступки этих охочих людей. И на сей раз опасный комиссар при ближайшем рассмотрении оказался совсем не опасным и не комиссаром... Единственная его вина состояла в том, что он не угодил в чем-то "почтенному" доносителю...

Особенно характерны доносы разных хищников, которые, когда у них требуют отчета в израсходованных по должности деньгах, отвечали при большевиках:

-- А!.. Вы контрреволюционеры. Хорошо же!..

И бежали в чрезвычайку... Теперь (я знаю такие случаи) они же заявляют с апломбом:

-- А! Вы большевики! Хорошо же!..

И бегут в контрразведку...

Берегитесь ядовитого и разлагающего действия, которое производит эта общественная язва... "Берегитесь попасть во власть доноса" -- вот что могли бы сказать новой власти учреждения и лица, привыкшие служить посредниками "при смене разных властей", если бы захотели слушать их спокойные голоса...

7 авг[уста] 1919 г.

Вл. Короленко

V

Еретические мысли о единой России

Не помню точно, в каком именно очерке или рассказе есть у Глеба Успенского или у Щедрина такой диалог. Разговаривают двое о могуществе единого русского государства. Один особенно им восхищается, другой настроен скептически⁴.

-- Представьте, -- говорит первый, -- такую ситуацию: какой-нибудь крестьянин Московской, Владимирской или, допустим, Курской губ. Иван Парамонов задолжал казне семь с полтиной, снялся со своего места и, шатаясь по свету со своей недоимкой, забрел на Новую Землю или в Камчатку. Его, разумеется, ищут, дабы казенному интересу не приносилось ущерба. Как вы думаете: найдут ли. Будет ли сия недоимка неуклонно взыскана.

Скептический собеседник вынужден согласиться, что едва ли Ивану Парамонову удастся отбегаться. Его непременно поймают, водворят сначала в Камчатскую каталажку, потом через ряд улусных каталажек препроводят по этапу в свое место и

хоть через пять, шесть, а может, и двадцать лет недоимка будет взыскана и казенный интерес восстановлен {"Цитирую, может быть, неточно, но мысль именно та". -- *Примеч. В. Г. Короленко.* }.

-- Ну, вот видите, -- говорит тот из собеседников, который отстаивает смысл о сверхъестественном могуществе государства.

Диалог несомненно имеет иронический характер, и в нем ясно сквозит вопрос: то ли это могущество, то ли это единство, которое стоит защищать и отстаивать. А перед нами тот же вопрос стоит теперь в новой форме, то ли это единство, которое нам нужно теперь восстанавливать.

Да, несомненно, самодержавная Россия была необыкновенно могущественна в отыскании беглых недоимщиков или политически неблагонадежных лиц. На это в ее распоряжении находился прекрасно разработанный аппарат, единый и централизованный. Усердие в изловлении Иванов Парамоновых, а также в изловлении неблагонадежных доходило до виртуозности, граничившей с наивностью. Когда-то в 80-х годах мне, в силу веления сей могущественной государственности, пришлось побывать в отдаленной Якутской области. Один из тамошних "заседателей" (звание равно становому приставу) рассказывал мне не без своеобразного юмора, что по некоторым отдаленным улусам еще недавно гуляла бумага о разыскании пропавшего без вести американца Франклина. Скитаясь в течение почти столетия из улуса в улус и претерпевая на этом пути своеобразные изменения, она попадает в руки нового писаря, старающегося "очистить переписку" и закончить "нерешенные дела". Переписка о ФранкLINE попадает в разряд дел "о поимке беглых" и заканчивается сообщением, что упомянутого американского подданного во вверенном улусе не оказалось. А буде окажется, то будет неукоснительно пойман и отправлен в областной город для поступления по законам. И, конечно, если бы случился в тех местах какой-нибудь однофамилец Франклина, то ему бы не миновать целого ряда улусных каталажек...

Вот именно эта отчетливость административно полицейского сыска, который, точно особого рода нервная система, охватил всю Россию от Петербурга до отдаленной Камчатки, -- долго смешивалась у нас с действительным могуществом, с действительным единством России, о которых говорилось даже в учебниках географии. А между тем было ли это единство, было ли это могущество.

Меня всегда поражало, до какой степени слепы эти полицейские всевидящие очи и как глухи эти всеслышащие уши. Вспоминаю следующий характерный эпизод. Тот же жандармский генерал Познанский, о котором я говорил в одном из предыдущих писем, позвал меня "по важному для меня делу" и с встревоженным видом сообщил, что на меня поступил серьезный донос.

-- Я, конечно, этому не верю, -- заявил он милостиво, -- но мне доносят, будто вы пешком, с котомкой и посохом ходили по Заволжью и вели пропаганду. Мне придется нарядить туда жандармов. Вы могли бы облегчить задачу, если бы сообщили, что могло подать к этому повод.

Я засмеялся и ответил, что легко могу сильно облегчить ему задачу и указать источник, из которого он сможет узнать о каждом моем шаге по Заволжью...

-- Какой же это источник? -- насторожился генерал...

-- Газета "Русские Ведомости". Там я в течение уже целого месяца печатаю впечатления моего путешествия пешком и на лодке.

Это очень характерно. Г.г. жандармы тщательно следили, собирали доносы, глубокомысленно искали крамолу там, где все было ясно. Им казалось ценно все, что им доносили, а то, что было очевидно, как день, -- только не из агентурных

источников -- от них ускользало. Недавно в печать попал целый ряд документов о "надзоре над писателем Короленко". Усердный полтавский полицеймейстер доносил в департамент о каждом моем шаге. Строились остроумные соображения о целях моего посещения такого-то или такого-то дома, -- но при этом поражала великая наивность, с которой я причислялся то к социал-демократам, то к террористам, и даже анархистам.

Это характерно. Частности сыскного характера закрывали совершенно то, что имело показательный и общественный интерес. Это имело место как в отдельных случаях, так и в более широком масштабе. Техника сыска закрывала важнейшие мотивы на пространстве всей обследуемой с этой точки зрения России. Казалось, могущество "единой России" достигает баснословных размеров, если судить по числу изловляемых крамольников. И только никому не приходил в голову вопрос: почему же это число все растет, какие мысли, какие чувства бродят под влиянием этих событий в обществе и в народных массах, в каком направлении толкают они стихийную, как океан, и, как океан, широкую народную мысль и народную волю...

Вот в этом все дело. Гоняясь за частностями, -- могущественное государство само глохло, слепло и становилось неспособно отдавать себе отчет в общих явлениях. Оно подавляло всякое проявление мнения и воли страны, а потому и не могло их знать. Оно видело свое могущество в том, чтобы никакого мнения и никакой воли страны не было. Оно преследовало революционеров и видело сепаратизм в стремлении к местным культурам. И революционеров и "сепаратистов" оно излавливало успешно, органы печати на иностранных языках усердно закрывались и государство покоилось в уверенности, что все эти его частные победы означают подавление самих стремлений к проявлению народами России самостоятельной мысли.

Но вот над "единой великой Россией" грянул гром, и она сразу развалилась на части с такой быстротой, которая способна вызвать удивление. Очевидно, это единство было спаяно очень плохо⁵.

Чисто полицейская организация -- плохой цемент, а действительный цемент, скрепляющий государства, -- единство мысли и единство воли -- не воспитывалось, не организовывалось, а только подавлялось и разрушалось. И вот, толчок -- и единой России нет. Отдельные части нашего великого отечества потеряли связь со своим центром и зажили собственной жизнью, как тело червя, которое продолжает жить после того, как заступ разрежет его на несколько частей.

И нужно сказать -- в этом еще не великое счастье и великая надежда. Великое счастье в том, что все-таки самодержавный Петербург не успел централизовать и помрачить всех отправлений областной жизни. Великая надежда в том, что -- отдельные области не стали инертны, а продолжают жить и действовать, группируясь около собственных центров. В этой деятельности многое еще подлежит поправкам и координации, но факт состоит в том, что жизнь не прекратилась и что она не определяется всецело бюрократическими воздействиями из центра ни самодержавного, ни большевистского.

Какой же урок следует из этого для тех, кто мечтает теперь о "единой России", кто надеется восстановить этот великий государственный организм. Они должны признать факты и сделать из них последовательные выводы.

Факты состоят в том, что возрождающая сила находится не в центре, а на периферии. Не Петербург и не Москва возрождают единое отечество своими декретами, а, наоборот, группировка областей стремится провести сознание единого отечества к центрам. Возможно ли и нужно ли, чтобы эти усилия привели опять к прежней централизации, подавляющей областную мысль и областную волю.

Очевидно, это и невозможно и не нужно. Областная мысль и областные воли, доказавшие свою жизнеспособность, должны действовать и в будущем по возможности свободно и самостоятельно. Для России возврат к прошлому невыносим. Если она будет жить только демократической свободной жизнью. Не подавлять самостоятельность областей, а вызвать ее к жизни и координировать в единую сознательную государственную работу, -- вот истинная задача ближайшего будущего. Когда приходится изловить только беглого Ивана Парамонова и такого же беглого "злоумышленника", -- то для этого достаточно двух исправников, одного в центре, другого на окраине. Но когда нужно уловить не отдельного человека, а истинное мнение и волю той или другой части единого отечества, -- для этого исправники не годятся. Не годится и прежнее "единое" государство. Россия может стать единой в истинно демократическом смысле только путем децентрализации и автономии областей.

Задача трудная: сохранять меру областных самостоятельности и меру их сознательного взаимодействия в государственном смысле...

Меру эту еще придется искать, может быть с трудом и даже с частичными потрясениями. Но найти ее необходимо...

Но и теперь уже есть многое, совершенно бесспорное в этом направлении, и мы должны признать факты и быть последовательными в выводах.

А выводы ясны: к современному кризису, к той смуте, которую мы видим кругом, привели нас крайности централизации и полное подавление самых законных и жизненных стремлений отдельных национальностей.

Вывод: нужно признание национальных культур, полное проявление национальных особенностей. Отныне нельзя преследовать ни одного вероисповедания, ни одного языка, ни одного племени, ни одного национального сознания. Этот принцип должен лечь в основание предстоящей государственной деятельности...

Может быть, я ошибаюсь, но будущее великой России рисуется мне в виде своего рода федерации наподобие американских штатов с областными сеймами по вопросам местного законодательства и с общим сеймом по вопросам общегосударственным.

Да, может быть, в этом я забегаю слишком далеко. Вопрос этот сложный и трудный, а я не считаю себя политиком. Назвать ли будущие отношения России и ее областей федерацией или как-нибудь иначе и в каких началах выльется в конце концов эта федерация -- дело будущего. Гораздо ближе принципиальный вопрос о свободе национальных культур⁶. Это начало -- необходимо признать сразу. Иначе государственная политика на местах может стать не русской в широком смысле, а только обрусительной и "русопетской". А это может привести к самым губительным последствиям, вместо разумного и желаемого единства.

В. Короленко

Примечания

¹ После занятия населенных мест войсками Добровольческой армии, грабежи становились явлением обыденным. Вот свидетельства очевидца (З. Ю. Арбатова) из Екатеринослава (Архив русской революции, т. 2, с. 91--95):

"В город стали проникать слухи о том, что идет генерал Деникин... По вечерам шептались о том, что Деникин, занимая город, отпускает коммунистов на все четыре стороны, что большинству не понравилось, но зато Деникин ведет за собой прекрасно сформированную и крепко сплоченную армию, вслед за которой идет закон и право.

На угрюмых лицах граждан появлялись загадочные улыбки, и Тройка решила проучить торжествующих контрреволюционеров... В одну ночь было арестовано свыше пятисот человек: судьи, купцы, учителя, общественные деятели, священники, фабриканты, врачи, адвокаты, и вся эта масса была загнана в трюм большой дряхлой баржи... Остальное мужское население... было выгнано на окопные работы...

Так продолжалось около двух недель... и все были уверены в том, что еще час, еще два, и вот... вот покажутся освободители, борцы за право, борцы за закон, борцы за Великую Россию...

Слезы, восторженные крики радости... все высыпали на улицы, создавая небывалый подъем и неповторимую радость.

Легкой рысью проносились по широкому проспекту сотни казаков: добродушные улыбки кубанцев, загорелые лица офицеров, часто мелькавшие беленькие Георгиевские кресты и бесконечный восторг, неимоверное счастье освобожденных людей.

Никаких вопросов добровольцам никто не задавал, и у всех была в душе одна скрытая молитва, а в мозгу одна спасительная мысль: "только бы устояли... только бы не откатились, только бы не отошли... только бы довели свое святое великое дело до счастливого конца..."

В тот же день к вечеру... по городу был расклеен приказ коменданта о присоединении Екатеринославской губернии к территории Добровольческой армии, о восстановлении полностью права собственности и о введении в действие всех прежних законов Российской Империи и о смертной казни на месте за бандитизм.

Но наутро другого же дня восторженность сменилась досадливым недоумением... Вся богатейшая торговая часть города, все лучшие магазины были разграблены... и по улицам конно и пеше бродили казаки, таща на плечах мешки, наполненные всякими товарами... Грабеж шел вовсю... По ночам раздавались отчаянные крики подвергшихся ограблению...

В гостинице "Франция" расположилась приехавшая вслед за Шкуро добровольческая контрразведка... И началось хватание людей на улицах, в вагонах трамваев, в учреждениях... Арестовывали по самым бессмысленным доносам...

К частым дневным и ночным грабежам прибавилось еще колоссальное пьянство; казаки случайно открыли местонахождение двух огромнейших складов вина... И круглые сутки весь гарнизон тащил из погребов вино в бутылках, ведрах, напиваясь до полной потери сознания...

Трех пойманных [коммунистов] доставили в комендатуру, и комендант города, молодой есаул, отдал приказ: "Всех трех тут же и сейчас же повесить!"

На бульваре, против гостиницы "Астория", среди движущейся оживленной толпы, казаки поставили приговоренных... и закинули за суки деревьев три петли...

Эпштейн, прыгая на одной ноге, оставляя после себя следы капавшей с оторванной ноги крови, добравшись до дерева, зашатался, взмахнул руками и, что-то прохрипев, замертво упал. Он правильно рассчитал время, приняв дозу яда; но казаки, матерно ругаясь, спокойно подняли труп с земли и, просунув мертвую голову в петлю, сильно за ноги потянули к земле охладевшее тело...

Улица опустела...

Трупы висели целую ночь, и только к полудню другого дня казаки стали ловить на улице бородатых евреев, заставляя их снять с петли висевшие трупы.

А спустя день на Троицком базаре какая-то баба указала казакам на каких-то трех простых людей, будто что-то у нее во время большевиков реквизировавших, и казаки сейчас же вынесли всем трем смертный приговор.

Тут же на перекладинах навеса были заброшены три петли и совершенно растерявшимся и ничего в те минуты не понимавшим людям было предложено: либо в петлю, либо быть зарубленными шашкой...

Ни нечеловеческий рев, поднятый бабами и всем базаром, ни клятвы попавших в несчастье людей о их невинности ни к чему не привели, и, когда одним размахом саблей голова одного из несчастных покатила по мостовой, забрызгав вблизи стоявших горячей кровью, оставшиеся два перекрестившись, покорно полезли в петлю...

Трупы висели два дня, а изрубленный саблей был во многих местах обкусан крысами...

Повешенные оказались жителями загородной слободки, никогда "ни в чем дурном не замеченные" и занимавшиеся штукатурными работами...

Город, являвшийся центром одной из богатейших русских губерний, был в полном распоряжении пьянствовавших казаков; грабежи не прекращались...

Творилось что-то кошмарное...

Государственная же стража часто выезжала в ближайшие села, вылавливала дезертиров и не являвшихся на объявленную добровольцами мобилизацию.

Как-то вернулся из уезда полковник Степанов и, рассказывая журналистам о своей работе в уезде, отрывисто бросил:

-- Шестерых повесил...

Губернатор со стражей сгонял на опушку леса сотни крестьян, бежавших от мобилизации, и косил их пулеметным огнем...

Результаты быстро и катастрофически дали себя почувствовать. Негодование среди крестьян росло с неопишуемой быстротой... Быстрые кони унесли казаков под самый Орел, а на Украине нарастало грозное негодование, угрожающее каждую минуту разразиться страшным всеуничтожающим движением".

² Непенин Петр Павлович (1872--1932), генерал-майор. Типичный представитель лучшей части русского офицерства. Участник военных действий в Китае в 1900--1901 гг., русско-японской и Первой мировой войн. Командир стрелкового полка Железной дивизии, Георгиевский кавалер -- за участие в Брусиловском прорыве. В Добровольческой армии с ноября 1918 г. Командовал 7-й пехотной дивизией в составе Кавказской армии генерала Врангеля и произвел на последнего "прекрасное впечатление" (во время штурма Царицына). После переброски 7-й дивизии (летом 1919 г.) на Украину участвовал в занятии Полтавы и Киева. Участник боевых действий в Крыму, где командовал пехотной дивизией.

³ Вопрос этот многократно обсуждался и в эмигрантской прессе и среди близких друзей В. Г. Короленко. Мы сошлемся вновь на С. П. Мельгунова, который, быть может, глубже других проник в природу террора как такового и постоянно сравнивал при этом террор "красный" и "белый". Вот что он писал по этому поводу: "А белый террор?.. Это главное оружие в руках известной группы социалистов. Это аргумент и части западноевропейской печати. К сожалению, это противопоставление приходится слышать и в рядах более близких единомышленников. Не кто иной, как А. В. Пешехонов в своей брошюре "Почему я не эмигрировал?" во имя своего писательского беспристрастия счел нужным сопроводить характеристику большевистского террора рядом именно таких оговорок. Говоря о правительстве ген. Деникина, Пешехонов писал: "Или вы не замечаете крови на этой власти? Если у большевиков имеются чрезвычайки, то у Деникина ведь была контрразведка, а по существу -- не то же самое? О, конечно, большевики побили рекорд и количеством

жестокостей намного превзошли деникинцев. Но кое в чем и деникинцы ведь перещеголяли большевиков".

И А. В. Пешехонов в пояснение рассказывал об ужасах виселиц в Ростове-на-Дону. Как убедится Пешехонов из этой книги (речь идет о книге "Красный террор в России", из предисловия к которой мы и приводим цитату. -- В. Л.), он и здесь ошибался -- "перещеголять" большевиков никто не мог. Но не в этом дело... Я не избегаю характеристики "белого террора"... Я допускаю, что мы можем зарегистрировать здесь факты не менее ужасные... Но... "белый" террор явление иного порядка -- это прежде всего эксцессы на почве разнузданности власти и мести. Где и когда в актах правительственной политики и даже в публицистике этого лагеря вы найдете теоретическое обоснование террора, как системы власти? Где и когда звучали голоса с призывом к систематическим официальным убийствам? Где и когда это было в правительстве ген. Деникина, адмирала Колчака или барона Врангеля?.. *Нет, слабость власти, эксцессы, даже классовая месть и... апофеоз террора -- явления разных порядков*" (выделено нами. -- В. Л.).

Конечно, белый террор ни в какое сравнение не шел с красным, явно не русским террором, но распущенность и зверства Добровольческой армии (точнее, ее "преломляющей среды", как определяет В. Г. Короленко) были одной из причин ее поражения. Это признавали и многие белые генералы, и сам Деникин, и В. В. Шульгин, и другие видные деятели белого движения.

⁴ Ирония по поводу "нелепого" устройства русской жизни суть главное в творчестве упомянутых В. Г. Короленко писателей. Но мало кто предполагал, что их некоторые саркастические соображения об "устройстве" русской жизни окажутся почти пророческими, а некоторые актуальными и в наше время. Например, такое "соображение" Салтыкова-Щедрина (из "Дневника провинциала в Петербурге"):

"Для того, чтобы искоренить зло, необходимо вооружить власть.

Для того же, чтобы власть чувствовала себя вооруженною, необходимо повсюду оную *децентрализовать*.

Затем, уже руководствуясь такими соображениями, предлагаю:

1) Губернаторов назначать везде из местных помещиков (олигархов. -- В. Л.), яко знающих обстоятельства. Чинами при сем не стесняться, хотя бы был и корнет, но надежного здоровья и опытен.

2) По избрании губернатора, немедленно оного вооружить, освободив от всяких репортов, донесений, а тем более от советов с палатами и какими-либо присутствиями.

3) Ежели невозможно предоставить губернатору издавать настоящие законы, то предоставить издавать п_р_а_в_и_л_а и отнюдь не стеснять его в мероприятиях к искоренению зла.

4) На каждых пяти верстах поставить особенного дистанционного начальника из знающих обстоятельства местных земледельцев, которого также вооружить, с предоставлением искоренять зло по обстоятельствам.

5) Дистанционному начальнику поставить в обязанность быть праздным, дабы он, ничем не стеснясь, всегда был готов принимать нужные меры.

6) Уезды разделить на округа (по четыре на уезд), и в каждом округе учредить из благонадежных и знающих обстоятельства помещиков (олигархов. -- В. Л.) особливую комиссию, под наименованием: "Комиссия для исследования благонадежности".

7) Членам сих комиссий предоставить: а) определять степень благонадежности обывателей; б) делать обыски, выемки и облавы, и вообще испытывать; в) удалять

вредных и неблагонадежных людей, преимущественно избирая для поселения места необитаемые и ближайšie к Ледовитому океану;

8) В вознаграждение трудов положить всем сим лицам приличное и вполне обеспечивающее их содержание.

Излагая все сие, не ищу для себя почестей, но буду доволен, ежели за все подъятые мною труды предоставлено мне будет хотя единое утешение -- утешение сказать: "*И моего тут капля меду есть*".

⁵ О причинах краха России мнений было много, и все они высказывались с точки зрения принадлежности авторов к тому или иному политическому течению. Поэтому ни о каком "единстве мысли и воли", о котором упоминает Короленко, не могло быть и речи. Мы приведем в качестве примера мнение опытейшего политического и государственного деятеля, обер-прокурора Синода К. П. Победоносцева, "извлекая" это мнение из его писем к архиепископу Томскому Макарию.

"Усерднейше благодарю за сообщенные известия о ваших непорядках и соблазнах... Не оставляю сообщать об этом кому следует (разумеется, царю Николаю II. -- *В. Л.*), -- но нельзя не видеть, что ныне многое, бывшее твердым, поколебалось. Начало сего, узел всех этих соблазнов... есть столица, и все это распространяется из центра к окружности. Как бы худо у вас ни было, -- здесь, у всех на глазах, не менее худо... И нет руки, которая могла бы и решилась бы остановить это" (1896 г.).

"Ныне больше от нас всюду требуется, нежели мы по силам своим дать можем, и в то же время, будучи лишены прежней от гражданских властей поддержки, принуждены лишь одними силами Церкви вести борьбу с плодящимися повсюду лжеучениями, опасными не только для Церкви, но и в особенности для Государства, -- в виду всеобщего упадка нравов, который не может не отразиться и на самом духовенстве" (1898 г.).

"Могу себе представить, сколько смущения и огорчений доставили Вам поднявшиеся в Томске беспорядки безумной толпы студентов. К сожалению, это безумие, подобно заразной болезни, охватило всю Россию. И не было бы оно так повально, когда бы не поддерживалось еще вятчим безумием взрослых людей, составляющих у нас общество. Горячка не успокаивается и до сих пор, -- ибо, к сожалению, нет еще властной той руки со властным голосом, который изрек бы: до сего дойдеши и не преjdeши... Время повсюду смутное, и дай Бог нам дожидаться успокоения смятенных всюду умов. Остается каждому делать свое дело, доколе можно. Приятно узнать от Вас, что Вы замечаете поднятие религиозного духа в городском населении. Народ благочестив еще всюду, и здесь церкви не могут вмещать всех молящихся; но так называемая интеллигенция погрязла в тупом искании увеселений и в разврате мысли... Якоже бысть во дни Ноевы" (1899 г.).

"Стоим даже на пороге Нового года в трепетной молитве, "яже имуть приключитися нам не ведуще". Уповаем на милость Божию, но не можем не ощущать, сколь мы Ея не достойны и какими являемся безумными чадами Божией благодати. Озираясь на истекающее столетие, особливо на вторую его половину, можем ужаснуться, -- чего мы в духе лишились и что приобрели для себя, духу противное. Скорбеть надобно особливо о том, что утрачено много простоты и в мыслях и в обычае, и приобретено для сердца много новых желаний и похотей и злых помышлений: все хотят денег и наслаждения, все готовы за деньги поступиться правдою. Да стоит твердыня Церкви Божией... (31.12.99 г.)

"И тому не удивляйтесь, что газеты, кои все безумны, нахальны и продажны, печатают клеветы и брань на церковно-приходские школы. Это -- "собачий лай", на который отвечать не следует, а следует вдвое внимательнее смотреть за делом, чтобы

в нем обмана не было; ибо внутренние враги человеку, "домашние его", всего опаснее. Враги сии суть: лень, неправда, обман, равнодушие, своекорыстие" (1900 г.).

"...крайне умножились и разврат, и преступление в среде духовенства, особливо же по монастырям, и много срамных дел обличается..." (24.12.1900 г.)

"...нынешнее тяжелое смутное время, когда по судьбам Господним отнят у людей разум, и простые люди молятся Богу и страдают, а сильные мира сего живут, яко же во дни Ноевы. Поистине наступает время, к коему прилагаются слова Ангела, Тайновидцу сказанные: "Скверный да сквернится еще, и праведный да творит правду" (1904 г.).

"...Вы знаете душу народную, которую разучились ныне понимать многие во власти сущие..." (1906 г.)

"Тяжкие дни проживаем мы ныне, русские, верные люди, дети своего Отечества, и не видим спасения. Блаженны те, кто не дожил до наших дней..." (1907 г.)

Многое совпадает во взглядах писателя-демократа В. Г. Короленко и "махрового реакционера" К. П. Победоносцева, и прежде всего в предчувствии гибели самодержавной России. Но первый жаждал краха Русской Империи, страстно мечтал о рождении новой либерально-демократической России, а второй умирал в душевных муках вместе со смертельно больной страной... Первый дожил до своей мечты, воспрял, "воссиял духом" и в марте 1917 года с восторгом восклицал: "В несколько дней политическая физиономия России меняется, как по волшебству... Над русской землей загорелась... немеркнущая заря свободы..." Но не прошло и полугода, как писатель с горечью заметил: "Вот мы и дожили до революции, о которой мечтали, как о недостижимой вершине стремлений целых поколений. Трудновато на этих вершинах, холодно, ветрено..." Что было дальше, прекрасно видно из искреннейших дневников и писем Короленко... Так что, быть может, все-таки прав был именно Победоносцев, задолго до революции увидевший смертельную опасность для родины. Еще в 1887 году он так выразил свое предчувствие в письме к императору Александру III: "Тяжело теперь жить всем людям русским, горячо любящим свое отечество и серьезно разумеющим правду. Тяжело было, и есть, -- горько сказать -- и еще будет. У меня тягота не спадает с души, потому что вижу и чувствую ежечасно, каков дух времени и каковы люди стали. На крапиве не родится виноград; из лжи не выведешь правды, из смешения лени и невежества с безумием и развратом сам собою не возникает порядок. Что мы посеяли, то и должны пожинать". Когда же он увидел (после смерти Александра III), что реальная власть стала переходить в руки "космополитов и либералов", то скептическое настроение его переросло в убеждение, что Россия пошла по гибельному пути самоуничтожения. Он нарисовал своеобразный образ уходящего отечества: "Россия -- это бесконечный мир разнообразий, мир бесприютный и терпеливый, совершенно темный: а в темноте этой блуждают волки".

⁶ При всем своем либерализме во взглядах на устройство России, Короленко и в мыслях не держал возможность деления государства на национальные или автономные республики. Эта гибельная идея родилась уже в смертельно больном мозгу Ленина.

Дорогой Алексей Максимович!

Податель этого письма, Залман Мендель Шнеерсон¹, есть то самое лицо, на которое часто ссылались фальсификаторы в деле Бейлиса, как на основную пружину ритуального убийства. Человек, по-видимому, интересный, как все крепко убежденные в чем-нибудь люди. Он, по-видимому, довольно образован, и это не мешает ему, однако, крепко держаться старого завета и даже хасидизма². Он явился ко мне с просьбой дать ему письмо к Вам, так как он думает, что Вы можете помочь ему. Дело его состоит в том, что в городе или местечке Любавичи³ существует евр[ейская] школа на основах, как он выражается, богоискательства (очевидно, по старому завету). Она существует уже 30 лет и, очевидно, имеет какие-то корни в бытовой и умственной жизни еврейства. Большевики распорядились с нею так, как вообще распоряжаются со многими сложными явлениями: они решили изгнать ее, а здание отдать молодым скаутам. Вот он и едет, чтобы по возможности отстоять это детище еврейского быта и своеобразной еврейской религиозной мысли.

Я мало знаю особенности этой школы. Себя не могу считать человеком далеко религиозным, но у меня навсегда осталось религиозное отношение к свободе чужого убеждения и чужой веры, которое возмущается слишком простым решением таких вопросов посредством простого насилия. Если и Вы думаете также, то, быть может, не откажетесь выслушать и оказать возможное содействие Залману Менделю Шнеерсону, -- содействие к тому, чтобы голос из Любавича был выслушан и мог изложить все, что можно сказать в пользу данной школы⁴.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко

Полтава,
Мало-Садовая, №1.

Впервые: "Память". Исторический сб. Выпуск 2. Париж, 1979, с. 422--423.

¹ Шнеерсон Залман Мендель -- представитель известной семьи цадиков, предок которой Залман бен Барух Шнеур стал основателем одного из направлений хасидизма (литовско-белорусского).

² Хасидизм -- распространенное религиозное движение, возникшее среди польских евреев в XVIII в. Творцом хасидизма был Израиль Бешт, учивший, что истинная религиозность не в талмудистской учености, а в сердечной привязанности к Богу, в горячей вере и молитве. Это учение увлекло за собой огромную массу еврейского населения.

³ Любавич -- поселок в Смоленской области (ранее местечко в Могилевской губернии). Постепенно стал центром литовско-белорусского хасидизма.

⁴ Судьба письма пока неизвестна.

10 ноября 1920 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Обращаюсь к Вам как к нижегородцу. Не можете ли сделать что-нибудь в следующем отчасти нижегородском деле. Кажется, об этом Вам уже писал или еще напишет тоже нижегородец, С. Д. Протопопов. С своей стороны, я тоже хочу сказать несколько слов.

В Сочи арестован Борис Федорович Филатов. Мне пишут, что арест вызван не какой-нибудь определенной антисоветской деятельностью, а так, в связи "с общим положением". Иначе сказать, за "неблагонадежность".

Я Филатова хорошо знаю еще с голодного года и лукояновщины. Он служил в Лукоянском уезде по министерству юстиции и во время моей "голодной кампании" был в числе тех местных жителей, которые мне оказывали всякое содействие¹. За это, в свою очередь, тогда попал в глазах лукояновцев в неблагонадежные. Теперь ему перевалило за 70 лет, он вдобавок человек сильно больной, что и заставило его переехать на юг, и эта последняя "неблагонадежность" с тюрьмой и пересылками по другим тюрьмам (его уже из Сочи выслали в Новороссийск в распоряжение Черноморской чрезвычайки) может окончательно доконать его². Если что можете, то, пожалуйста, сделайте во имя нижегородского прошлого.

Желаю Вам всего хорошего.

Вл. Короленко

10 ноября 1920 г.

Полтава, М. Садовая, д. No 1.

Впервые: "Накануне". Литературное приложение. Берлин, 1922, 21 мая, No 46.

¹ См.: "В голодный год" (В. Г. Короленко. Собр. соч. М., 1955, т.7, с. 144, 145, 177).

² Б. Ф. Филатов умер 13 ноября 1920 г. С. Д. Протопопов в письме к Короленко от 31 октября 1920 г. сообщал: "Черноморская чека постановила выслать Б. Ф. Филатова и его семью в возрасте от 18 до 60 лет в Холмогоры, а все имущество конфисковать. При Б.Ф. жили: его жена, сыновья Виктор и Юрий (чахоточный). При последнем жена и дети. Вдова умершего Глеба и дети. Еще не ясно, кому придется ехать в Холмогоры..." (ОР РГБ, ф. 135/П, к. 32, ед. хр. 30).

9 января 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Я Вам писал о бедствии, постигшем целую семью нижегородцев Филатовых. Теперь мне сообщают, что они остановлены в дороге, высылка в Холмогоры отменена и, кажется, заменена для него Иваново-Вознесенском. Пишущий мне это предполагает, что этим Филатов обязан Вашему вмешательству. Если это действительно так, то, во 1-х, примите выражение моей искренней признательности за это вмешательство, а во 2-х, -- уверение, что Вы не сделали ошибку и что это дело истинно доброе¹.

Теперь, к слову, -- и еще одно обстоятельство, опять касающееся нижегородца -- нашего общего знакомого Сергея Дмитриевича Протопопова. Он мне пишет, что скоро его силы истощатся, так как ему приходится слишком много работать при недостаточном питании, а возраст его уже приближается к "преклонному". Он исправляет обязанности редактора в едином госуд. архивном фонде (в ведомстве наркомпроса), для чего ежедневно ходит пешком с Калашниковской набережной на Морскую. Кроме того, он же читает лекции солдатам, матросам и политрукам. К этому прибавляется недостаточное питание и холод, так как жалование скудное.

Говорят, будто Вы имеете влияние на раздачу академических (или иных) усиленных пайков. Так как он -- старый литературный работник (много работал в провинциальной, а отчасти и столичной прессе) и, кроме того, теперь читает еще и лекции, то, быть может, будет справедливо выдать усиленный паек и ему².

Когда-то он был состоятельный человек. Теперь зарабатывает свой хлеб тяжелым трудом, и, быть может, Вы тоже найдете справедливым, чтобы этот тяжелый труд оплачивался достаточным питанием.

Жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

P.S. Недавно я получил (с большим, как видите, опозданием) книжку, в которой приведены речи по поводу моего юбилея в 1918 г., в том числе и Ваша³. Благодарю Вас за яркий сочувственный отзыв.

9 января 1921

Полтава, М. Садовая, д. No1

Полный текст впервые: М. Горький. Неизданная переписка. М., 2000, с. 155--156.

¹ В ответ (28 февраля) Горький сообщал: "До 21-го Филатовых в Иваново-Вознесенске -- не было. Поверьте, что я в достаточной мере усердно старался выяснить, где Филатовы... Единственный человек, который мог бы отнестись к поискам их внимательно и человечно -- Ф. Дзержинский -- в Харькове, я писал и телеграфировал ему туда -- ответа нет. Позвольте советовать Вам следующее: если это письмо попадет в Ваши руки до 5-го, -- телеграфируйте в Харьков Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому или еще лучше -- вызовите его к телефону. Это не значит, что я слагаю с себя обязанность выяснить судьбу Филатовых, -- через несколько дней еду в Москву и там снова начну искать..." (М. Горький. Неизданная переписка, с. 156).

² В том же письме Горький отвечал: "О С. Д. Протопопове. Я сделал все возможное, чтоб ему дали "ученый" паек, -- безуспешно. "Комиссия по улучшению быта ученых" хотя и основана мною и хотя я председатель ее, но делом распределения и выдачи пайков ведает особая "пайковая" комиссия, в состав коей входят: С. Ф. Ольденбург, В. Н. Шимкевич, Осадчий -- кстати: он только что арестован сегодня в ночь, вкупе с десятком профессоров Политехникума -- В. Н. Тонкое и другие. Как видите -- все "специалисты". Пайков за "Домом Ученых" зафиксировано 2026, -- разумеется, для Петрограда этого мало и у нас числится около 700 человек кандидатов на пайки, -- все это люди с крупными заслугами в области положительных и гуманитарных наук. Судите сами, как трудно выделить паек человеку не "ученому", каким является С.Д. по сравнению хотя бы, напр., с А. Ф. Кони, С. Платоновым и т. д. Начальство не любит "Дом Ученых", считая его "белогвардейской организацией", рабочие ворчат, что их объедают "буржуазные саботажники". На днях правильность выдачи пайков будет проверяться комиссией, -- это третья проверка за 14 месяцев!

Вот каково положение. А жить -- все труднее... Смертность среди людей науки ужасная... Ко всему этому здесь и в Москве начались антисоветские выступления рабочих -- это в рабочем-то государстве. Пышно расцветает антисемитизм и -- более отвратительный, чем всегда. Вообще -- не весело!..." (М. Горький. Неизданная переписка, с. 157--158).

С Сергеем Дмитриевичем Протопоповым В. Г. Короленко переписывался много лет, затрагивая самые сокровенные вопросы. Так, в письме от 16/29 июля 1920 года он подводил некоторые итоги своей жизни и деятельности. Вот отрывок из этого письма: "Порой свожу итоги, оглядываюсь назад. Пересматриваю старые записные книжки и нахожу в них много "фрагментов" задуманных когда-то работ, по тем или иным причинам не доведенных до конца. Такие отрывки выписываю в отдельную большую книгу, чтобы облегчить дочерям работу по приведению в порядок моего небольшого, впрочем, литературного наследства. Вижу, что мог бы сделать много больше, если бы не разбрасывался между чистой беллетристикой, публицистикой и практическими предприятиями, вроде мултанского дела или помощи голодающим. Но -- ничуть об этом не жалею. Во-первых, иначе не мог. Какое-нибудь дело Бейлиса совершенно выбивало меня из колеи. Да и нужно было, чтобы литература в наше время не оставалась безучастной к жизни. Вообще я не раскаиваюсь ни в чем, как это теперь встречаешь среди многих людей нашего возраста: дескать, стремились к одному, а что вышло. Стремилась к тому, к чему нельзя было не стремиться при наших условиях. А вышло то, к чему привел "исторический ход вещей". И, может быть, без наших "стремлений" было бы много хуже".

В этом высказывании -- весь Короленко! Но сомнения относительно праведности пройденного пути и целесообразности некоторых своих действий все-таки посещали писателя, особенно под конец жизни.

³ Речь идет о книге: Жизнь и литературное творчество В. Г. Короленко. Сб. статей и речей к 65-летию юбилею. Пг., 1919. Здесь был помещен и текст выступления М. Горького на юбилейном заседании, устроенном обществом "Культура и свобода" в Петрограде, под названием: "Из воспоминаний о Короленко".

28 марта 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Письмо Ваше от 22 февраля, а также книжку ("Воспоминания о Л. Н. Толстом") я получил несколько дней назад, но нездоровье помешало мне ответить тотчас же.

Вопрос о Филатове покончила сама судьба: он умер в этапном пути в больнице в Ростове. Повторяю, что это был хороший человек, понимая это слово в обычном, "не классовом" смысле. Он был чиновник юридического ведомства и в те жестокие времена был моим союзником по работе голодного года. А это (да еще в Лукояновском уезде) значило в то время много. В Сочи он был городским головой и, в качестве такового, вынужден был приветствовать официально пришедших в то время деникинцев. Этому не могли ему простить новые власти, и больной старик (ему было более 70-ти лет) был "выслан административно" в Холмогоры, потом удалось смягчить это Иваново-Вознесенском. До Иваново-Вознесенска он не доехал, -- умер в пути. Впрочем, в Сочи (да и не в одном Сочи), очевидно, такие уж порядки: там был арестован также мой старинный друг (о котором я вспоминаю во втором томе "Истории современника") В. Н. Григорьев¹, просто здорово живешь, черт знает по каким обвинениям. Вообще административный порядок свирепствует у нас теперь вплоть до бессудных расстрелов.

Вы спрашиваете о моей работе². У меня готова не только третья часть "Истории современника", но и четвертая. Теперь работаю над пятой, которой заканчивается ссыльный период моей жизни. Теперь пойдет Нижний. Вообще я весь расшатался, но

голова еще работает. Приближаясь к Нижнему и к борьбе (совместно с Ник. Фед. Анненским, Богдановичем и др.) с "диктатурой дворянства". Очень благодарю Вас за предложение содействия к напечатанию этих воспоминаний за границей. Очень возможно, что я этим предложением воспользуюсь. Мне нужно только ранее списаться с книгоиздательством "Задруга", так как это издательство уже вошло от моего имени в сношения с одной заграничной (швейцарской) фирмой. Думаю, что препятствий не встретится, но все-таки придется их предупредить. К сожалению, сейчас пересмотреть издания не могу, так как до сих пор не получил еще авторских экземпляров.

Благодарю Вас также за заботы о Протопопове. Разумеется, я не прошу, чтобы в его пользу делались какие-нибудь исключения. Да едва ли он и сам этого желает. Я прошу только, чтобы его имели в виду в пределах справедливости.

Да, не веселое вообще время. Как-то у меня спросил товарищ председателя всеукраинских чрезвычайек, встретив меня в полтавской Ч.К., куда в то время я, по разным делам, ходил чуть ли не ежедневно -- "каково, дескать, Ваше впечатление, Вл. Гал.?" Я ответил правду, что если бы жандармы в свое время имели право не только ссылать нас, но и расстреливать административно, то это было бы то самое, что теперь происходит на моих глазах. -- Но ведь это, В.Г., на благо народа! -- Я выразил сильное сомнение, чтобы для блага народа были пригодны даже и такие средства. То же я высказал и в письмах своих к Луначарскому, которым едва ли суждено увидеть свет при моей жизни³.

Ну, я заболтался. Желая Вам и Вашим всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

28 марта 1921 г.

Полный текст письма впервые: "Накануне". Лит. приложение. Берлин, 1922, 21 мая, No 46.

¹ О В. Н. Григорьеве см. с. 396. О знакомстве с Григорьевым Короленко вспоминал с воодушевлением: "Как-то в жаркий день начала лета, проходя по площадке мимо академии, я увидел молодого офицера, шедшего под руку с маленькой старушкой... Увидев меня, он вежливо поклонился и спросил, можно ли теперь осмотреть академию... В парке было почти пусто, и мы разговорились. Оказалось, что его зовут Василий Николаевич Григорьев, а старушка -- его мать. Он офицер инженерной академии, второго курса, но сейчас подал прошение о приеме его в Петровскую академию... Это вызвало во мне внезапный интерес и глубокую симпатию... И меня точно вдруг прорвало... и вот перед этим незнакомым человеком, возбуждившим во мне внезапную симпатию, я неожиданно для себя излил всю горечь, накопившуюся за эти годы... Григорьев слушал внимательно, и в его серых глазах, глядевших на меня из-под крутого лба, я видел глубокий интерес и участие...

В одну из последующих встреч Григорьев по какому-то поводу процитировал из Писарева: "Скептицизм, переходящий за известные пределы, становится подлостью". У Писарева это сказано несколько иначе, но мысль та же, и именно в этой форме в устах Григорьева она произвела на меня сильное и неизгладимое впечатление..." (Собр. соч., т. 6, с. 137--138).

² В уже цитированном письме от 28 февраля Алексей Максимович писал: "В.Г.! Я прочитал II-ю часть "Записок Современника" и слышал, что у Вас готова III-я. Если Вы желаете видеть этот ценный, интереснейший труд напечатанным хорошо и в

достаточно обильном количестве -- я могу устроить это Вам в Берлине у частного издателя. В случае согласия -- пришлите в Петроград на мое имя заказным пакетом, -- а еще лучше -- с оказией в Москву Екатерине Павловне Пешковой-Горькой... просмотренные Вами экземпляры книг... Сообщите Ваши условия. В высшей степени важно дать эту книгу читателю сего мрачного дня. Звереют люди..." (М. Горький. Неизданная переписка, с. 156--157).

³ Конечно, Короленко уже прекрасно понимал, что Луначарский не решится вступить с ним в публичный спор в виде обмена письмами и их публикацией. И дело было не в Луначарском, а в людях, стоявших гораздо выше его в партийной и служебной иерархии.

29 июня 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Хочу поделиться с Вами моим горем. Младшая моя дочь, Наталья, была замужем за очень хорошим человеком, Конст. Ивановичем Ляховичем. Он был очень популярен в Полтаве. Между прочим, среди рабочих, которые его знали еще с 1905 года. Он был давний революционер, в годы реакции вынужден был эмигрировать, жил во Франции, в Тулузе, где учился в университете. Потом вернулся в Россию. Здесь опять навлек на себя преследования во время гетмана, и был немцами выслан в Брест (конечно, по наущению местных властей). После революции в Германии вернулся в Россию и был избран рабочими в Совет. Ну, а теперь известно -- "диктатура пролетариата", состоящая в том, что избранники пролетариата должны говорить под диктовку коммунистов. Ляхович не принадлежал к числу "покорных телят" и нередко говорил горькую правду властям, т. е. именно то, для чего был рабочими избран. Он был соц.-демократ меньшевик, т. е. говорил именно то, что теперь Ленин пишет в декретах¹. Ну, разумеется, его арестовали. Я предупреждал председателя Ч.К., что у него болезнь сердца и тиф для него смертелен, а тюрьма насквозь пропитана тифом. Именно это и случилось: он заразился и 17 марта мы его похоронили. Спрашивается, за что погиб честный человек и искренний революционер?² За то, к чему теперь приходит и большевизм, в то время, когда уже может быть поздно. История когда-нибудь отметит, что с искренними революционерами и социалистами большевистская революция расправлялась теми же средствами, как и царский режим³, т. е. чисто жандармскими. Когда я задаюсь вопросом, почему до сих пор не было не только у нас, но и нигде социальной революции, то отвечаю себе так: социальный переворот был бы высшим проявлением справедливости. Для этого нужно такое сознание справедливости, до которого нам еще далеко. В Европе элементы его уже есть. Они уже умеют учитывать мнение большинства, у них сказать, что можно запретить человеку высказать мнение, хотя бы противное большинству, сочли бы явной нелепостью. У нас это теперь факт: в то время, когда в стране необходимо наивысшее напряжение умственной и нравственной силы, -- она вынуждена молчать. Однажды, три года назад, меня пригласили произнести речь в одном селе. Я произнес то, что думал, и после этого один матрос сказал мне: "Знаете, если бы вы это сказали у нас на фронте, вы бы живой отсюда не ушли!" Народу, который так рассуждает о своем праве, далеко еще до самого справедливого строя. Ему надо еще многому учиться у тех, которых он объявил презренными соглашателями и изменниками, как германские вожди социализма, вроде Каутского. А мы вместо этого стали во главе революции

всемирной. И немудрено, что наделали таких ошибок, которые показывают только, как не надо делать социальную революцию. Это, конечно, тоже заслуга перед социальной революцией вообще. Но бедная Россия поплатится за эти "показательные опыты" так, что, может быть, ее пример надолго отобьет и остальные страны и вызовет буржуазную реакцию. Может быть, долго будут говорить: "видели, видели на примере России".

Я написал шесть писем Луначарскому⁴. Он обещал их напечатать со своими возражениями. Но когда я их послал, то он даже не известил об их получении. Началось это с открытого письма Ясинского⁵, откровенной рептилии, которого Луначарский принял за Симеона Богоприимца революции. После письма моего и еще одного киевского писателя, Яблоновского⁶, о Ясинском более не слышно: точно в воду канул: рептилия исчезла. И без него их достаточно... Нет подлее типа, чем эти откровенные рептилии, которые сначала подлаживаются к одному правительству, потом к другому. И еще слывут Симеонами Богоприимцами.

У нас с Вами была маленькая переписка об одном нижегородце, С. Д. Протопопове. Он читает лекции. Я думал поэтому, что он заслуживает лекторского пайка. После Вашего письма, в котором Вы изобразили трудности, с которыми это сопряжено, мне показалось, что у Протопопова нет прав на это. Теперь слышу, что затруднения исчезли и что теперь опять пайки выдаются легче. Поэтому посылаю его *surgiculum vitae*. Сделайте с ним, что найдете нужным.

Затем желаю Вам всего наилучшего. Счастливого пути, так как слышал, что Вы отправляетесь на лечение⁷.

Всего наилучшего.

Ваш Вл. Короленко

29 июня 1921 г.

Впервые: "Накануне". Литературное приложение. 1922, 21 мая, No 46. Затем "Летопись революции" (Берлин, 1923, кн. 1).

¹ Имеется в виду поворот Ленина в сторону новой экономической политики, налаживания разрушенного хозяйства и привлечения на сложные участки работы квалифицированных специалистов из "буржуазии".

² Горький уже знал о переживаемом Короленко горе из письма С. Д. Протопопова и был возмущен расправой над Ляховичем. Владимиру Галактионовичу он сообщал (13 июля 1921 г.): "...об аресте, болезни и смерти К. И. Ляховича знал давно... По этому поводу я посылаю телеграмму Ленину и Луначарскому, первый, очевидно, ничего не сделал, второй -- бессилён сделать что-либо. (В высшей степени замечательное наблюдение Горького, еще раз указывающее на то, почему Луначарский не вступил в переписку с Короленко. -- В. Л.).

Удар, Вам нанесенный, мне понятен, горечь Вашего письма я очень чувствую, но -- дорогой мой В. Г. -- если б Вы знали, сколько таких трагических писем читаю я, сколько я знаю тяжких драм! У Ивана Шмелева расстреляли сына, у Бориса Зайцева -- пасынка. К. Тренев живет в судорожном страхе, А. А. Блок, поэт, умирает от цинги, его одолела ипохондрия, опасаются за его рассудок, -- а я не могу убедить людей в необходимости для Блока выехать в Финляндию, в одну из санаторий. Не могу перевести из Крыма в Москву Тренева, Шмелева, Сергеева-Ценского, Деренталю -- не могу уже третий месяц.

Вчера Ревтрибунал судил старого большевика Станислава Вольского, сидевшего десять месяцев в Бутырской тюрьме за то, что он издал во Франции книжку, в которой писал неласково о своих старых товарищах по партии. Я за эти три года много видел, ко многому "притерпелся", но на процессе, выступая свидетелем со стороны защиты, прокусил себе губу насквозь. Плохо мы живем, -- будем жить еще хуже" (М. Горький. Неизданная переписка, с. 161--162).

³ Говоря о терроре, всевозможных запретах и т.п., Короленко упорно ставит знак равенства между, грубо говоря, царизмом и коммунизмом. Это можно объяснить следующими обстоятельствами: а) прекрасным знанием на практике многих отрицательных сторон и вопиющих безобразий, имевших место при царизме, б) знанием опять-таки на практике тюремных и прочих условий того времени, в) отсутствием достаточно полной информации о масштабах и жутких методах красного террора, г) приверженностью к либеральным ценностям и абсолютной неприемлемостью самодержавия как такового.

Подчеркнем при этом, что В. Г. Короленко и многочисленные его единомышленники из широчайшего либерально-демократического спектра ни при каких условиях не допускали возможности возрождения в России самодержавия. Ненависть их к царизму была патологической. Можно было бы привести тысячи и тысячи высказываний их по этому поводу, но мы ограничимся лишь мнением одиозной личности -- Бориса Савинкова, который знал толк в терроре, провокациях и их влиянии на политику. Так вот в августе 1920 года Борис Савинков обратился к генералу Врангелю со следующим "программным" заявлением в виде "открытого письма":

"Господин генерал! Ко мне явились казаки-терцы из армии генерала Бредова. Они мне высказали то, что давно тревожило мою мысль, что тревожит мысль всех русских людей...

Мы, русские патриоты, без различия партий, монархисты, республиканцы и социалисты -- видим в Вас носителя русского национального флага (начало весьма характерное: заявка идет от "всех русских людей" и даже от "монархистов"; но далее раскрывается вся сущность "демократических" требований. -- *В. Л.*)... Мы верим, что Вы не пойдете по дороге генерала Деникина. Мы верим, что Вы учли ошибки прошлого и проникли в глубокую сущность событий, происходящих ныне не только в России, но и во всем мире. Старого не вернешь! Его и нельзя пытаться вернуть. Царя не восстановишь. Его и нельзя пытаться восстановить. Россия построится как великая казачья и крестьянская демократия через Учредительное собрание, или она не построится вовсе. Мы верим, что Вы пытаетесь воссоздать Россию не царскую, не помещичью, не чиновничью, а Россию "третью", ту Россию, где все будут равны перед законом (первично не "равенство перед законом", а содержание самого закона, который может быть по сути антинародным. -- *В. Л.*), где будет порядок, где каждый казак и каждый крестьянин будут иметь свою землю, будут мирно трудиться на ней и мирно обогащаться, ту Россию, которая не будет ни теснить, ни насиловать никого -- ни эстонца, ни латыша, ни украинца, ни еврея, ту Россию, которая утвердит свободу и мир -- мир всему миру..."

Подвергая резким обвинениям Деникина, Б. Савинков подчеркивал, что Добровольческая армия "восстановила против себя всех... и Грузию, и Украину, и Польшу... и главное -- крестьян... Не большевики одолели его, не в бою проиграл он свое святое дело, не самоотверженные бойцы виноваты в его поражении... Его одолели расстрелы и грабежи, "Осваги"..." (Газета "Последние известия", Ревель, 23 августа, No 9).

Мы в данном случае не разбираем "программу" возрождения России, написанную главным террористом страны, а отмечаем, что и Б. Савинков более всего боялся восстановления законного строя! Что же говорить о керенских, Милюковых, черновых, кусковых и прочих ревнителях западных ценностей...

В. В. Шульгин, будучи все-таки православным человеком и глубоко сознавая свою вину перед Россией (его роль в отречении императора Николая II не была ведущей, но и не была самой последней), находясь в эмиграции, фактически стал отстаивать промонархические идеи. И прежде всего он призывал каждого русского эмигранта прочувствовать и признать свою вину перед свергнутым монархом и перед обманутым русским народом. Мы приведем отрывок из малоизвестных его высказываний, которые он публиковал в суворинском "Новом времени" (Белград).

"Сколько лет русские, сами русские, распространяли небылицы об "ужасах царизма". Сколько талдычили о мрачных застенках самодержавия, о невероятных погромах, устраиваемых царским правительством, о "кровавом царе Николае", о несчастном народе, у которого помещики отняли всю землю, а чиновники всю свободу, столько ввали о жестокостях русских жандармов, о невыносимости самодержавного гнета.

Все это тогда была ложь. Ну вот с тех пор как революция (желанная, "святая", благодатная революция) произошла, все это стало правдой: нет такого ужаса на земле, который не происходил бы теперь в России. И что же? Когда это была ложь, этой лжи верили, а теперь, когда это правда, не верят. И это наказание клеветникам, ибо клеветали почти все: нагло лгали левые, либерально обращались с истиной средние, раздражительно брюзжали правые. И редко, и редко кто гордился быть русским и смело говорил врагам и друзьям, что его родина прекрасна" (№ 1330, 4 октября 1925 г.).

Перед революцией Шульгин относился к Короленко как к откровенно "левому", революционному деятелю и даже называл его "писателем-убийцей" после "дела Филонова". Только на примере взаимоотношений Шульгина и Короленко можно представить себе ту концентрацию неприязни, ненависти и злобы, которая витала над Россией. А ведь оба -- русские, редкого таланта люди, сыгравшие заметную роль в важнейших российских событиях и повлиявшие на ход русской истории...

⁴ "Творческая история" писем В. Г. Короленко к Луначарскому довольно подробно изложена в следующих изданиях: Литературное наследство. Т. 80. В. И. Ленин и А. В. Луначарский. М., 1971, с. XXXIX, XL, XLI, 198--199, 720-726; П. И. Негретов. В. Г. Короленко. Летопись жизни и творчества. 1917--1921. М., 1990, с. 271--274 и др. И тем не менее хотя бы вкратце об этом важном эпизоде в жизни Короленко (да и Луначарского) необходимо рассказать.

Собственно, рассказывать надо о том, почему не получилось переписки "из двух углов" и почему Луначарский фактически струсил. История эта несколько темновата, но все же кое-какие свидетельства и документы уже известны. Сошлемся прежде всего на воспоминания В. Д. Бонч-Бруевича, опубликованные в сб.: В. Г. Короленко в воспоминаниях современников. М., 1962, с. 507--508.

"С наступлением Октябрьской революции мне пришлось неоднократно получать официальные сведения... о том, что В. Г. Короленко весьма недобрительно относится к деятельности представителей советской власти, считает совершенно ненужным и зловредным решительную борьбу диктатуры пролетариата с эксплуататорскими классами, называя ее "излишней жестокостью". Он доказывал, что мирная эволюция в лоне республиканской конституции скорее достигнет желаемой цели, чем решительная, беспощадная, нередко кровавая борьба классов, которая, по его мнению,

только напрасно озлобляет народ. С присущей ему откровенностью и бесстрашием, Владимир Галактионович это свое мнение, шедшее вразрез с указаниями директивных органов партии и правительства, открыто высказывал всюду и везде, как в письмах, так и устно при разговорах, и на собраниях.

Все сведения об этих фактах были известны Владимиру Ильичу.

-- Не понимает он задачи нашей революции, -- говорил Владимир Ильич. -- Вот они все так: называют себя революционерами, социалистами, да еще народными, а что нужно для народа, даже и не представляют. Они готовы оставить и помещика, и фабриканта, и попа -- всех на старых своих местах, лишь бы была возможность поболтать о тех или иных свободах в какой угодно говорильне. А осуществить революцию на деле -- на это у них не хватает пороха и никогда не хватит. Мало надежды, что Короленко поймет, что сейчас делается в России, а впрочем, надо попытаться рассказать ему все поподробней. Надо просить А. В. Луначарского вступить с ним в переписку: ему удобней всего, как комиссару народного просвещения и к тому же писателю. Пусть попытается, как он это отлично умеет, все поподробней рассказать Владимиру Галактионовичу -- по крайней мере пусть он знает мотивы всего, что совершается. Может быть, перестанет осуждать и поможет нам в деле утверждения советского строя на местах.

При первом же свидании с Анатолием Васильевичем Владимир Ильич рассказал ему о возмущениях В. Г. Короленко и распорядился все сведения из Полтавы о выступлениях Короленко в дальнейшем пересылать лично А. В. Луначарскому".

Трудно сказать, чего больше желал Ленин, "перевоспитания ли писателя (в это он почти не верил) или найти способ "приглушить" мощную критику. Во всяком-случае, было ясно (прежде всего Луначарскому), что поставленную задачу выполнить практически невозможно. Тем более что нарком к тому времени прекрасно знал о письме Ленина к Горькому, в котором вождь с редкой гневливостью отозвался о статье Короленко "Война, отечество и человечество". Вот фрагмент из этого письма, касающийся писателя:

"Интеллектуальные силы" народа смешивать с "силами" буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 г., брошюру "Война, отечество и человечество". Короленко ведь лучший из "околокадетских", почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая слащавыми фразами! Жалкий мешанин, плененный буржуазными предрассудками! (выделено нами. -- В. Л.). Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне -- дело, заслуживающее поддержки (делами, при слащавых фразах "против" войны), а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики.

Нет. Таким "талантам" не грех посидеть недельки в тюрьме, если это надо сделать для предупреждения заговоров (вроде Красной Горки) и гибели десятков тысяч. А мы эти заговоры кадетов и "околокадетов" открыли. И мы знаем, что околокадетские профессора дают -- сплошь да рядом заговорщикам помощь. Это факт.

Интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентиков, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно" (выделено нами. -- В. Л.). (В. И. Ленин. ПСС, т. 51, с. 48).

Жаль, что Короленко не узнал об этом "мнении" Ленина, ибо Горький, конечно жалеючи писателя, ничего ему об этом не сообщил. Надо полагать, что Короленко в этом случае нашел бы достойный ответ и сами "письма к Луначарскому" приобрели

бы совершенно иную окраску. Что же касается Ленина, то он и после смерти Короленко помнил злополучную статью и, просматривая вышедшую в 1922 году книгу "Письма В. Г. Короленко к И. П. Белоконскому", подчеркнул на полях концовку текста, написанного от редакции ("...духовный облик писателя-гуманиста наших дней, того писателя, которому в последние его годы единоклассный голос родной литературы присвоил имя "совести русского общества") и написал: "А брошюра его за войну 1917 года?" (Литературное наследство, т. 80, с. 724).

Между тем Луначарский, получив "задание", делал попытки его исполнить. Получив первое письмо от Короленко, он направляет его Ленину со следующей сопроводительной от 7 июля 1920 г.: "...Посылаю Вам первое письмо Короленко. По-видимому, за ним последуют более интересные.// В объяснение факта, о котором пишет В. Г., сообщаю Вам следующее: В. Г. приехал в театр, когда я должен был выступить там с речью, и стал хлопотать в присутствии детей Аронова и Миркина за их судьбу. Я немедленно подозвал председателя ЧК т. Иванова и просил его принять к сведению факты, передаваемые Короленко.// Самым существенным была бумага от местного заведующего губпродкомом, в которой этот заведующий... констатировал, что преступления за Ароновым и Миркиным нет. // На эту бумажку председатель ЧК... только пожал плечами и сказал: "разберемся". // Когда В. Г. отошел от меня, Иванов заявил мне, что люди эти уже расстреляны. Факт произвел на меня, конечно, тяжелое впечатление, и я передал его так, как передаю Вам, т. Держинскому. Он очень взволновался и заявил, что это дело не может пройти так: либо, сказал он, Иванов действительно расстрелял людей зря, и в таком случае он должен быть сам отдан под суд, либо он расстрелял их за дело, и в таком случае бумажка продкома, попавшая в руки Короленко, является в свою очередь преступной бумажкой. Он затребовал при мне все это дело телефонограммой к себе и обещал рассмотреть его лично (дело Аронова и Миркина было рассмотрено центральным управлением ЧК Украины, которое одобрило приговор Полтавской губчека. -- В. Л.).

Думаете ли Вы, что я должен сообщить об этом Короленко?" (Литнаследство, с. 198).

Таким образом, Луначарский решил о ходе "перевоспитания" писателя немедленно докладывать Ленину. Об этом свидетельствует также его записка Ленину от 27 июля 1920 г.: "...Вы не вернули мне первое письмо Короленко, хотя я очень просил об этом. Если Вы его не потеряли, то я еще раз прошу Вас вернуть его мне. А теперь направляю Вам копию второго, копию из предосторожности, чтобы и это письмо не оказалось потерянным. Письмо, представляется мне, сравнительно мало интересно, но тем не менее заслуживающее того, чтобы Вы его прочитали" (Литнаследство, с. 207).

Рукою Л. А. Фотиевой на письме было начертано: "В архив".

На этом заканчивается "официальная часть" истории с письмами писателя (не исключено, что тщательное изучение вновь открывшихся архивов даст нам продолжение этой "официальной части") и начинается многовариантная версия Луначарского о судьбе писем и о непоявлении ответов на них. По подсчетам П. И. Негретова, Луначарский за десять лет (1921--1931) "шесть раз возвращался к истории своей несостоявшейся переписки с Короленко, каждый раз видоизменяя ее и противореча себе, пока окончательно не запутался" (П. И. Негретов Указ. соч., с. 273).

Действительно, Луначарский многократно возвращался к этой теме (более шести раз), но ни разу не был искренним до конца. Это и понятно: не мог он сказать откровенно, что переписка полноценная могла состояться лишь в том случае, если бы Короленко хотя бы частично отошел от своей позиции. Тогда эта переписка заинтересовала бы и Ленина. Но коль скоро писатель остался на своей позиции, то что

же мог написать Луначарский (в душе, кстати, типичный либерал!), прекрасно зная твердое и резкое "заключение" на эту позицию самого вождя?! После первых писем Короленко он пытался получить "ориентировку" от Ленина, но тот, ознакомившись с текстами писем, решил сдать их в архив...

Из ряда высказываний Луначарского о несостоявшейся переписке с Короленко мы приведем два: первое и последнее. После смерти писателя Луначарский выступил в "Правде" с большой статьей (28 декабря 1921 г., № 294), в которой уделил место и письмам: "За год до своей смерти он предложил мне написать несколько писем о революции. Я сговорился, что я отвечу ему и что, может быть, мы решим оба издать эту переписку. Несколько писем от него мною были получены, но благодаря, вероятно, почтовым затруднениям, далеко не все и мне не удалось восстановить всю их серию. В виде ответов я послал В. Г. книгу Троцкого "Терроризм и коммунизм", которая содержала в себе, на мой взгляд, победоноснейшее опровержение всех его, увы, обывательских соображений, которыми он переполнил все письма" (заметим, кстати, что все письма писателя были доставлены наркому с оказией и вручены его секретарю). 30 октября 1930 г. Луначарский в письме к Н.К. Пиксанову сообщал: "...Что касается моей переписки с Короленко, то ее издать никак нельзя. Ибо и переписки-то не было. После получения 1-го письма Короленко я показал и его, и проект моего короткого ответа Владимиру Ильичу, и мы с ним установили дальнейший план (ни о содержании проекта ответа, ни о "плане действий" нарком нигде не упоминал. -- В. Л.). В первом же ответе я сообщил Короленко (после нескольких возражений и советуя ему прочесть книгу Троцкого о терроре), что я не буду ему отвечать на каждое письмо, но подожду, пока мысль его будет мне окончательно ясна, и тогда отвечу большим письмом. Но письму стали доходить очень неаккуратно. Об этом я опять писал, просил прислать недостающие, и весь этот инцидент оборвала смерть Владимира Галактионовича. // Как видите, довольно крупные снаряды, частью, правда, буквально недолетевшие (по почте), которыми стрелял Короленко, не находили ответа с моей стороны. Издавать же письма Короленко без самой резкой отповеди невозможно" (П. И. Негретов. Указ. соч., с. 273-274).

Мы полагаем, что ставить точку в этой истории пока рано...

⁵ Мы уже упоминали о Ясинском Иерониме Иеронимовиче (псевд. Чуносков, Максим Белинский, Независимый) (1850--1931) в примечаниях к дневнику Короленко (с. 68), но требуются, видимо, дополнения. Плодовитейший писатель, автор 12 романов (Путеводная звезда, Вечный призрак, Жар-Птица, Трагики, Муза, Нечистая сила, Ординарный профессор, Старый сад, Иринар Плутархов, Петербургские туманы, Крепостники, Под плащом сатаны), многих томов с повестями и рассказами, сборников стихов, редактор нескольких журналов, сборников и газет. Словом, личность в литературе довольно известная. Но при этом Ясинский менял свои политические взгляды, сотрудничая поочередно как в либерально-демократической, так и в консервативной печати. После Октябрьского переворота пришел с поклоном и приветствием новой власти к Луначарскому. Тот не преминул тут же этим похвастаться в печати (Известия ВЦИК и Петросовета, 17 ноября 1917 г.), сравнив приход Ясинского с библейским Симеоном Богоприимцем, что вызвало бурю негодования в среде писателей. Даже Горький (Новая жизнь, 6 декабря 1917 г.) с горечью заметил: "...бестолковый Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации". Короленко же "поздравил" Луначарского с таким "уловом" и язвительно отметил, что "Горькие уходят, Ясинские приходят...". Но надо отметить, что Ясинский плодотворно работал и при

большевиках, редактируя журналы "Красный Огонек" и "Пламя", переводя поэму Ф. Энгельса "Вечер", выпуская сборники своих стихов и других сочинений. Свою долгую и противоречивую жизненную эпопею он отразил в довольно интересном "Романе моей жизни" (1926). Но слава писателя-перебежчика закрепилась за ним прочно.

⁶ Яблоновский Александр Александрович (1870--1934), известный писатель, критик, фельетонист, автор многих рассказов и очерков, издал у Сытина "Родные картинки" (Т. 1--3. М., 1912--1913 гг.). В гражданскую войну сотрудничал в нескольких газетах антибольшевистского направления. В эмиграции в основном писал фельетоны. Очень злые. Доставалось особенно тем, кто стал сотрудничать с советской властью: Луначарскому, Горькому, Свидерскому и многим другим.

⁷ Горький давно собирался уехать за границу. Об этом он писал многим писателям и знакомым. В письме к Нансену (сентябрь 1920 г.) он сообщал: "Я действительно устал и был бы рад несколько отдохнуть, работая над книгой, которую мне хочется писать" (М. Горький. Неизданная переписка. М., 2000, с. 182).

27 июля 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович.

В настоящее время я сильно болен: у меня сильное нервное расстройство, а в последнее время к этому присоединилась еще инфлуэнция. Понятно, в каком я положении. Тем не менее сегодня я уже ответил товарищам, избравшим меня почетным председателем Комитета помощи голодающим, и постараюсь сделать, что могу. Но силы у меня уже не прежние¹.

Мне кажется, Вы ошибаетесь, приписывая нашей эмиграции такие злобные и преступные побуждения перед лицом страшного бедствия². А бедствие надвигается действительно страшное, небывалое. Мы уже видели в прошлом году, как целые толпы слепо бредущих людей надвигались на пределы Украины с северных губерний. Тут были отцы семейств, которые сами запрягались в телеги, в которых были их семьи, и брели слепо на юг, в надежде, что там их ждет большое обилие. Но их по большей части возвращали назад. Повторяю: бедствие надвигается небывалое, может быть, с Алексея Михайловича. И Россия перед ним почти так же беспомощна.

И Вы думаете, что наша эмиграция в целом не будет не только помогать, но даже будет мешать помощи. Мне кажется, что Вы ошибаетесь. На это нужно настоящее черносотенное злодейство³, а эмиграция в целом на это неспособна, я в этом уверен. Вообще я на это дело смотрю несколько иначе. Для меня, например, убийство Шингарева и Кокошкина такое же злодейство, как и убийство Розы Люксембург и Либкнехта, и его безнаказанность остается таким же несмытым пятном, как и другое⁴.

Мы затормозили ход нашей революции тем, что не признали сразу, что в основу ее должна быть положена человечность. У нас исстари составилось представление, что "великая" французская революция удалась только потому, что действовала террором. Но историк-социалист Мишле утверждает, что она не удалась именно поэтому⁵.

Наш дореформенный режим был режим особенный. Глупые цари держали Россию вне всякого политического прогресса, представляя такой прогресс исключительно конспирации, и этим самым подготовили такой феерический, можно сказать, провал своего режима. Затем Россия преклонилась перед террором, -- на мой взгляд такая же бессмыслица. Наши революционные деятели забыли, что со времени французского

террора прошло более столетия, и Европа жила в это время недаром. В ней происходило то столкновение мнений, из которого возникает новая истина, социальная и политическая.

Я не отрицаю, что во многом Европа и Америка тоже дошла до таких точек, которые могут быть разрешены только острыми столкновениями. Но у Европы и Америки есть уже практика долго действовавшего политического строя. А у нас?! Мы впали из одного насилия в другое. У нас теперь действует "административный порядок" до казней в "административном порядке" включительно.

Только из столкновения явлений рождаются новые истины и движение вперед. А что не движется, то умирает и разлагается. Правители России воображают, что они стоят во главе социальной революции, а они просто стоят во главе умирающей страны. И мы видим это умирание в простейших процессах: люди перестают работать, -- останавливается простейший обмен живых соков.

Все это я старался показать в своих письмах к Луначарскому (на которые, кстати, не получил ответа и даже простого извещения о получении. В это именно время начиналась моя болезнь). У нас, вместо свободы, все идет прежним путем: одно давление сменилось другим, и вот вся наша "свобода".

Разумеется, я сделаю все, что смогу. Постараюсь написать и воззвание, но на это мне нужно несколько дней, и притом, ввиду выбора меня в Комитет, я не могу пересылать того, что напишу, иначе как через Комитет. Самое большее -- это пришлю одновременно Вам и в Комитет. Наступают трудные дни, и надо действовать в полном согласии. Эти времена я уже предсказывал в своих письмах к Луначарскому. Если теперь интеллигенция опять станет действовать враздробь, тогда -- полный провал наших начинаний. Нужно, чтобы "власть" показала пример единения.

Крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего хорошего.

Ваш Вл. Короленко

Р. С. Относительно Сергея Дмитриевича простите. Мы здесь не имеем понятия о Ваших пайках. Вопрос снимается с очереди. 27 июля 1921.

Впервые: "Накануне". Лит. приложение. Берлин, 1922, 7 мая, No 34.

¹ В. Г. Короленко отвечает на ряд поступивших к нему обращений в связи с организацией Помгола и на письмо Горького от 13 июля 1921 года, в котором тот подробно изложил ситуацию с надвигающимся в стране голодом и созданием Общественного комитета помощи голодающим:

"Голод принимает размеры катастрофы небывалой. Необходимо бороться с ним всячески. Патриарх Тихон послал воззвание о помощи Архиепископу Кентерберийскому и Епископу Нью-Йорка; я тоже послал возвания всем знакомым: Масарику, Уэлсу, Бласко Ибаньесу, Синклеру, Анат. Франсу, Гауптману и др. Надеюсь получить некоторые крохи хотя бы для ученых и детей. Но -- нам необходимо свыше ста миллионов пудов хлеба, -- это по официальным данным, которые всегда -- как Вы это знаете -- стремятся уменьшить размеры несчастья.

Владимир Галактионович! Я убедительно прошу Вас -- напишите и Вы воззвание к Европе. Это необходимо. Ваше почтенное имя несомненно повлияет на ту часть русской политической и обывательской эмиграции, которая в ослеплении злобы на власть будет мешать сбору хлеба и медикаментов для прокорма и лечения народа. Они будут делать это, поверьте! Ибо озлобление их -- ужасно.

Посылаю Вам копию воззвания Патриарха. Это очень умный и честно мыслящий человек, он хорошо знает печальные недостатки великорусского племени.

Я прошу Вас -- если Вы напишете воззвание -- послать его на мое имя, а уж я направлю его за границу.

Здесь организуется "Комитет борьбы с голодом" в таком составе: председатель Л. Каменев, члены президиума: Н. Семашко, А. Рыков, засим -- вероятно -- бывший министр при Керенском Н. В. Некрасов, кадеты Кишкин и Щепкин, члены: Кускова, Прокопович, Кутлер, М. Н. Покровский, Левицкий, кооператоры и еще человек двадцать "Общественных деятелей". Я тоже вхожу в этот комитет. А Вы? Не согласитесь ли?

Цель Комитета -- выпустить за подписями своими воззвание о помощи к Европе. Я думаю, что это -- все, что может сделать подобный комитет. Его воззвание тоже несколько умерит противодействие эмиграции сборам денег, медикаментов и хлеба... Жду скорого ответа, если можно -- пошлите с оказией" (М. Горький. Неизданная переписка, с. 162--163).

Всероссийский общественный комитет помощи голодающим был создан 21 июля 1921 года, и через несколько дней Короленко получил телеграмму следующего содержания: "В годину великого народного бедствия общественными силами Москвы, по соглашению с правительством, организован Всероссийский Комитет помощи голодающим. На первом заседании Комитет единогласно избрал Вас, глубокоуважаемый Владимир Галактионович, своим почетным председателем. Просим принять избрание и оказать Вашу ценную помощь в трудном деле".

Короленко, уже будучи тяжело больным, но видя размеры надвигающегося на народ бедствия, согласился участвовать в Помголе. 27 июля он направляет Л. Д. Каменеву телеграмму следующего содержания: "Я болен и слаб, силы мои уже не те, какие нужны в настоящее время, но тем не менее я глубоко благодарен товарищам, вспомнившим обо мне в годину еще не бывалого бедствия, и я постараюсь сделать все, что буду в силах".

Короленко был искренним до наивности человеком и не мог предположить, что вокруг Помгола разыгрываются всякие политические интриги, весьма далекие от истинных проблем.

² Мы не имеем возможности подробно изложить сущность затронутой Горьким и Короленко проблемы -- реакции эмиграции на голод в России. Отметим лишь, что эмиграция осталась в политическом отношении столь же разношерстной, как и была в России до революции. И Горький, и Короленко были правы по-своему, но истина заключалась в другом: ни эмиграция, ни верхушка большевиков ничего существенного не сделали для того, чтобы предотвратить катастрофу -- те и другие прекрасно знали, что за все их политические преступные игры будет расплачиваться миллионами своих жизней простой русский народ. Милюковские "Последние новости" (Париж, 1921, No 488) писали: "Положение России безнадежно. Идет полное уничтожение русского народа. Число голодающих перевалило за 30 миллионов. Никто и ничто их спасти не может (вот позиция либеральной демократии! -- В. Л.). Накормить такое количество голодных людей путем филантропии немыслимо". И тут же газета глумливо добавляет: Ленин в последнее время разочаровался в русском народе и сожалеет о допущенных жестокостях против интеллигенции. Затем из этого высказывания преподносится следующая "цитата": "Если бы я знал, каков русский народ, я бы не сделал своего опыта, а работал бы сначала с интеллигенцией. Теперь уже поздно: интеллигенция почти вся перебита". То есть милюковцы продолжали забавляться спекуляциями на беде народной.

Даже советские газеты не могли скрыть чудовищного бедствия, охватившего страну. Так, "Правда" (27 января 1922 г.) писала: "В богатых степных уездах Самарской губернии, изобиловавших хлебом и мясом, творятся кошмары и наблюдается небывалое явление повального людоедства"... "Тайком родители поедают собственных умерших детей..." Аналогичные сообщения поступали из многих губерний.

Та же газета (29 января 1922 г.) подвергла яростной критике позицию П. Н. Милюкова, который увязывал возможность переговоров с Москвой на Генуэзской конференции со сменой общественно-политического строя в России. Более того, он рекомендовал западным странам воздержаться от помощи голодающим в России до тех пор, пока в стране не будут в корне изменены "хозяйственные условия", которые, по его мнению, и являются причиной голода ("Последние новости", 17.01.1922).

Такие, по сути кощунственные заявления некоторых эмигрантских кругов (как видим, Горький прекрасно ориентировался в политической жизни эмиграции), а также пассивная позиция Лиги наций по вопросу о помощи голодающим в России, позволяли большевистскому руководству утверждать, что русская эмиграция и ее западные партнеры занимаются политическими спекуляциями, используя нарастающий голод в стране. "Над Волгой умирает 20 млн. человек, -- отмечалось в одной из статей "Правды", -- они умирают медленной смертью. Они варят траву. Они едят глину, смешанную с растениями, дабы заполнить желудок, избавиться, хотя бы на момент, от чувства страшного голода. Они пухнут, они лежат бессильные, пока милосердная природа не отнимет у них сознания... Почему капиталистические державы не оказывают помощи голодающим массам в Поволжье? Они оттягивают эту помощь для того, чтобы... вырвать у советской России согласие на выплату старых долгов, вырвать у нее согласие на целый ряд экономических уступок, которые дадут миллиарды накоплений. Пусть умирают миллионы; за это время капиталисты сговорятся между собою, как совместно надавить на советскую республику".

Следует отметить, что, несмотря на выход в свет целого ряда научных работ по этой страшной трагедии, пережитой русским народом, все же эта тема до сих пор остается, к сожалению, малоисследованной.

³ "Черносотенное злодейство" -- есть один из мифов, созданных либеральной демократией. Как мы уже видели, политические игры на голоде вели не монархисты, а именно либералы, предрекавшие гибель большевизма в несколько месяцев.

⁴ Весьма характерное для Короленко рассуждение, отвергавшего уже к тому времени насильственные методы в политической борьбе, с какой бы стороны они ни исходили.

⁵ Мишле неоднократно утверждал о том, что террор погубил Французскую революцию. Возможно, Короленко имел в виду следующее высказывание французского историка: "Вступая в полосу якобинства, революция должна была неминуемо через известное время погибнуть..." (Мишле Ж. Кордельеры и Дантон. Пбг., 1920, с. 89).

9 августа 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Вы обратились ко мне с предложением написать обращение к Европе о помощи голодающей России, и я принял это предложение. С этих пор у меня нет покоя. Это письмо я пишу среди бессонной ночи.

Прежде всего у меня нет цифровых данных¹. Я уже обратился к своим приятелям статистикам, но на это нужно время. Значит, придется подождать. При писании "Голодного года" я располагал бытовым материалом, который сам же собирал на месте. Положим, этот бытовой материал теснится в голову и теперь и не дает мне покоя по ночам. Но... подойдет ли он?

Недавно Уэльс приезжал к нам и после этого написал книгу. Я совершенно с нею согласен... но... его книгу не признали ни эмигранты, ни здешнее правительство². Редакция эмигрантов снабдила ее отрицательным предисловием, здешняя цензура ее просто-напросто запретила. Для эмигрантов он слишком благоприятно относится к господствующей в России партии, для большевиков вся книга проникнута презрением к России, которая, как известно, стоит во главе всемирной социальной революции. Я прочел то, что писал Уэльс, и меня поразило, как этот англичанин мог так верно понять положение России. Правда, мне хотелось не однажды бросить книгу из-за ее презрения к нашему отечеству³. Правительство -- честные люди, но наивные. Народ... Что сказать о народе? Но наконец я понял Уэльса и примирился с ним⁴. Дело в том, что всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет, пока, конечно, не свергнет его. Россия свергла царизм. Это верно. Но значит ли это, что она шагнула так, что опередила всю Европу и стала во главе социальной революции. По-моему, отнюдь не значит, эти чудеса случаются только на митингах, Россия свергла только царизм, который и то терпела слишком долго.

История сыграла над Россией очень скверную шутку. Россия слишком долго допускала у себя бездарное правительство и подчинялась ему. Это правительство держало страну вне всякой политической самостоятельности. Прежний режим был слеп и не замечал со своей "диктатурой дворянства", что он растит только слепую вражду. Он надеялся на слепое повиновение армии, забывая, что армия происходит из того же народа и что повиновение не всегда бывает слепо. И дошло до того, что армия же его и свергла.

Но что из этого вышло? Лишенный политического смысла, народ тотчас же подчинился первому, кто взял палку. Это были коммунисты. Они удовлетворили долго назревавшей вражде и этим овладели настроением народа. А между тем дело было не во вражде. Нужно было как можно скорее ввести жизнь в новое русло. Я писал Вам уже об убийстве Кокошкина и Шингарева и выразил свой взгляд на это дело. Сколько бы они теперь могли принести пользы. Вот к чему привело раздувание вражды. К сожалению, я видел много подобных же случаев. Самая трудолюбивая часть народа положительно искоренялась. Расскажу несколько бытовых случаев.

Позапрошлый год, на Пасхе, ко мне в городском саду подошел молодой еще человек и попросил позволения переговорить со мной. Тогда он рассказал, что с его братом случилась маленькая ошибка. Оказалось, что он участвовал в зверском убийстве одного человека с целью ограбления... "Какая же это ошибка", -- спросил я. "Человек темный, -- ответил он, -- не образованный... Я этого не сделаю, вы не сделаете, но человек темный сделает..."

Я наотрез отказался ходатайствовать за человека, сделавшего "маленькую ошибку" в виде убийства с целью ограбления, посоветовав обратиться к правозащитнику. Я был уверен, что ничего трагического с ним не случится, что и действительно оправдалось. Он теперь, наверное, где-нибудь совершает такие же маленькие ошибки.

В 1918 году в апреле месяце ко мне пришла женщина с хутора Голтва, Байрацкой волости, Полтавского уезда и рассказала следующую историю. Невдалеке от их хутора живут два красноармейца Гудзь и Кравченко. Они арестовали целую группу лиц, в том числе, между прочим, и Захария Кучеренко. При обыске у Кучеренка нащупали 500 рублей бумажками и 35 рублей серебром. Они вывели арестованных из хутора, но потом решили отпустить остальных, оставив только Кучеренко. Затем он пропал без вести... Вскоре его нашли убитым в болоте.

До глубины души возмущенный этим делом, я отправился в Ч.К. к одному из видных ее деятелей и сказал, что среди их агентов есть разбойники. Он отнесся к этому сообщению довольно холодно. Положим, он сообщил на место посредством телефонограммы, чтобы одного из них арестовать, но ему ответили, что он ушел на фронт. Об аресте другого не было и речи. Я сомневался, чтобы и другой отсутствовал. Но мне пришлось этим удовлетвориться. И действительно, Гудзь, так звали убийцу, оказался не на фронте, а на месте и жестоко избил жаловавшуюся вдову...

Это доказывает, как снисходительно тогдашняя Ч.К. относилась к убийцам, может потому, что это предполагаемые кулаки. Эта бедная вдова явилась ко мне еще раз или два. Между прочим она приходила ко мне с рассказом, что, разыскивая мужа, она наткнулась на целую партию оружия и пришла посоветоваться, донести ли об этом большевистским властям. Видя, как тогдашняя Ч.К. относится к бандитам (один полицейский рассказывал мне, что некоторые чекисты предупреждали убийц), я по совести не мог поручиться за ее безопасность, и теперь я уверен, что все это оружие в лагере бандитов, с которыми Красной Армии приходится воевать. Что же касается до бедной женщины, то я почти уверен, что она убита. С тех пор она ко мне не являлась.

Вообще я видел тогда, что бандитами считались состоятельные люди, и я всегда этому удивлялся. Состоятельные люди прежде всего подвергаются нападениям бандитов и являются их естественными врагами. Между тем они-то и считались первыми бандитами. Нужно было внушить, что богачи и есть прежде всего бандиты. Все как будто столкнулось так, чтобы породить голод: самые трудоспособные элементы народа, самые разумные и знающие сельское хозяйство преследовались и убивались. Я знаю случай, когда один человек был казнен Ч.К. только за то, что поехал в Германию и изучал там сельское хозяйство по предложению местного сельскохозяйственного общества. Я хлопотал о нем, но это не помогло. Мне ответили, что он уже расстрелян. " О, это у них был деятель, изучал сельское хозяйство в Германии". Звали его Шкурпиев. У меня отмечено, что у этого Шкурпиева земли 15 десятин на троих. О, как бы теперь нам нужно людей, знающих сельское хозяйство.

Я мог бы перечислить таких случаев сколько угодно. Состоятельных людей или казнили или убивали. Мой вывод, к которому я пришел с несомненностью: настоящий голод не стихийный. Он порождение излишней торопливости: нарушен естественный порядок труда, вызваны вперед худшие элементы, самые нетрудоспособные, и им дан перевес, а самые трудоспособные подавлены. Теперь продолжается то же, если это не прекратится, можно ждать голода и на будущий год и дальше.

Нужно отказаться от так называемого раскулачивания. Я знаю такую историю. В одной из близлежащих волостей была семья, очень трудоспособная, у нее было сорок десятин. Комнезаможи⁵ половину отобрали, оставили только 20 десятин на большую семью. Но все-таки семья опять справилась лучше других и живет зажиточнее. Тогда им оставили только 12 десятин. Семья живет все-таки лучше других. Тогда комнезаможи не знают, что делать с этими "кулаками", и решили наконец... выгнать их совсем из села. Осуществлено ли это или нет, я не знаю, история свежая. Скажите,

что же это такое, если не предположить, что тут преследуется окончательное обнищание России. Всех под одно.

В Константиноградском уезде была зажиточная семья: по мере того, как семья росла, понемногу приобреталась и земля, приобретались и машины. Теперь машины эти разобраны, и, главное, по разным хозяйствам: одна часть машины досталась в одно хозяйство, другая в другое. Получилось только одно разорение, а не уравнение. И это случалось не однажды.

От этой системы раскулачивания надо решительно отказаться. Нужна организация разумного кредита, а для кредита нужна зажиточность, а не равенство. Иначе сказать, нужно отказаться от внезапного коммунизма. Посмотрите, соберите сведения, сколько у нас разумных коммун, и вы удивитесь, как их мало. И из-за этой малости вся Россия вынуждена голодать.

Обобщая все сказанное, делаю вывод: наше правительство погналось за равенством и добилось только голода. Подавили самую трудоспособную часть народа, отняли у нее землю, и теперь земля лежит впусте. Комнезамож -- это часть народа, которая никогда не стояла на особенной высоте по благосостоянию, а распоряжаются всем хозяйством коммунисты, т. е. теоретики, ничего не смыслящие в хозяйстве. Опять повторяю: нужно вернуться к свободе. Многое уже испорчено, но если что может нас вернуть к подобию прежнего благосостояния, то только возвращение к свободе. Прежде всего к свободе торговли. Затем к свободе печати, свободе мнения, не нужно хватать направо и налево (как схватили Ляховича). Нужно объединиться и общими силами постараться выбиться из тупика, в который мы залезли.

Я, как и Уэльс, думаю, что если нынешнее правительство не будет вследствие голода постигнуто каким-нибудь катаклизмом, то ему суждено вывести Россию из нынешнего тупика. Повторяю, всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет: русский народ заслужил своим излишним долготерпением большевиков. Они довели народ на край пропасти. Но мы видели деникинцев и Врангеля. Они слишком тяготели к помещикам и к царизму. А это еще хуже. Это значило бы ввергнуть страну в маразм. Но обращение к свободе есть условие, без которого я не мыслю даже первых шагов выхода.

Если возможен выход для России, то он только в одном: в возвращении к свободе. Я на это уже указывал в своих письмах к Луначарскому. Теперь повторяю.

Вл. Короленко

9 августа 1921.

Впервые: "Память". Исторический сб. Париж. Вып. 2, 1979, с. 423-- 428.

¹ Об этом же Короленко писал и С. Д. Протопопову (13 августа): "Мне выпало на долю написать обращение к Европе. Сделаю, что могу, но у меня нет цифровых данных, да, кажется, и нигде их нет. Написал Григорьеву и Пешехонову, но ответов еще не получил. Обратился и к местным статистическим силам. Здесь есть люди очень серьезные..." (Вестник литературы, 1921, No 10, с. 15).

² Уэллс Герберт Джордж (1866--1946) находился в советской России с конца сентября до середины октября 1920 года. Его поездка в Россию, а затем и книга "Россия во мгле" вызвали бурю негодования прежде всего в писательских кругах эмиграции. Почти все эмигрантские газеты были переполнены материалами исключительной резкости в адрес Уэллса. Так, А. И. Куприн выступил в газете "Общее дело" (24.10.1920) со статьей "Два путешественника", в которой сравнивал

творческую и нравственную сущность Нансена и Уэллса. Разумеется, Уэллс в этом сравнении получался в творческом отношении пигмеем, а в нравственном -- политическим спекулянтom. В частности, Куприн отмечал: "Значительные события часто совпадают на маленьком земном шаре. Почти одновременно мы услышали о том, что Нансен и Уэллс собираются ехать в советскую Россию для глубоких и всесторонних исследований ее состояния.

Нансен не поехал. Кто мог бы осмелиться заподозрить в нерешительности его, видевшего так близко перед собою смерть и -- не мгновениями, а месяцами? Привыкший к научному и практическому методу мышления, он, вероятно, сказал себе: "Я и без путешествия в центр этой несчастной страны знаю о ее положении. Несколько сотен безумных, но хитрых негодяев кровавыми путями опутали загнанный, усталый, голодный, больной, многомиллионный народ. Всей реальной правды эти негодяи мне не скажут и не позволят ее увидеть. А народ не может этого сделать и не посмеет. Не хочу же я быть в положении водевильного дурачка, водимого за нос".

И не поехал.

Но Уэллс поехал. Для этой поездки у него уже был в голове готовый, изображенный им самим "каворит" -- утопическое представление о благах, сопряженных с первым мировым опытом великой коммунистической республики. Иными словами, абсурдное основание будущему роману для клерков у него было заложено.

О том, как мыкали Уэллса по всем утопическим учреждениям Совдепии Горький, Луначарский и КР, о том, как он слушал Шалапина и созерцал балет, я не буду говорить... Но одна мысль меня занимает и смешит.

Не может быть, чтобы вожди Совдепии не предложили знаменитому романисту за его благосклонное, приятное и рассеянное внимание какой-нибудь веской мзды, хотя бы и в весьма замаскированном виде. Ведь они так привыкли к тому, что все берут. Однако я верю и в то, что Уэллс откажется от этого бакшиша. И тем не менее положение его будет крайне двусмысленно..."

Куприн сознательно ошибся, Уэллс довольно быстро написал не "роман", а политическое эссе, которое в эмиграции вызвало еще большее негодование, чем поездка писателя. Переведенная на русский язык Н. С. Трубецким и изданная в Софии (февраль 1921 г.), она уже в предисловии авторском содержала неприятие ее русской эмиграцией. Резолюция была такова: "Нас, русских, за исключением разве некоторой части коммунистов, предложенное Уэльсом разрешение русского вопроса ни в коем случае удовлетворить не может. Поэтому, с точки зрения большинства из нас, книга эта должна быть признана вредной".

Короленко познакомился с книгой в мае 1921 года (Х. Г. Раковский, отлично зная настроение и мысли писателя, специально препроводил ее для Короленко, видимо, понимая, что тот во многом согласится с Уэллсом, особенно в оценке действовавшего тогда коммунистического правительства), и она произвела на него сильнейшее впечатление.

³ Действительно, в книге есть места, которые могли возбудить у Короленко неприятные чувства. Укажем на некоторые из них.

Вот, например, что пишет Уэллс об основной массе русского народа:

"Огромная масса населения России -- крестьяне, неграмотные, жадные и политически пассивные (здесь и далее выделено мною. -- В. Л.). Они суеверны, постоянно крестятся и прикладываются к иконам -- особенно это заметно в Москве, -- но они далеко от истинной религии (надо полагать, что Уэллс под истинной религией подразумевает полухристианские англиканские вероисповедания! -- В.

Л.). Политические и социальные вопросы интересуют их только поскольку дело идет об их собственных нуждах. В основном большевиками они довольны. Православный священник совершенно не похож на католического священника Западной Европы; он сам -- типичный мужик, грязный и неграмотный, не имеющий никакого влияния на совесть и волю своей паствы. Ни у крестьян, ни у духовенства нет никакого творческого начала. Что касается остальных русских, как в самой стране, так и за ее пределами, -- это пестрая смесь более или менее культурных людей, не связанных ни общими политическими идеями, ни общими стремлениями. Они способны только на пустые споры и беспочвенные авантюры" (Герберт Уэллс. Россия во мгле. М., 1959, с. 50).

Такого рода высказываний, рассыпанных по тексту, в книге довольно много. Короленко, конечно, понимал, что даже в оскорблениях Уэллс в чем-то прав, но читать это от имени европейца было неприятно.

Для сравнения мы приведем мнение о русских священниках А. И. Куприна, высказанное примерно в то же время: "...Но как преобразовалось, как выросло в буре и пламени все рядовое, будничное белое русское духовенство!.. Что говорить, слаб и немощен перед искушениями бывал нередко наш заурядный попик... Слишком близок он был всегда к нашей темной, грешной, черноземной жизни... Но только в русских полах так цельно сохранилась расовая чистота крови. Почти без преувеличения можно сказать, что путем браков, заключающихся исключительно в своем классе, русское священство, начиная от времени Владимира Великого и до наших дней, совсем избегло примеси чужих элементов к своей добротной славянской крови. А ранние браки и здоровая деревенская жизнь предохранили эту кровь от порчи... Духовенство русское всегда выдвигало из своей среды великих пастырей, учителей, борцов и мучеников. И если наше духовенство, легко сбросив с себя... даже самый страх смерти, так смиренно, просто и бескорыстно совершает свое высокое служение церкви и народу -- то в этом вернейший и, может быть, самый величайший признак того, что и народ близок к невиданному духовному обновлению... Церковь, как и в старые времена, является и символом, и прибежищем, и опорой" ("Малое стадо").

О большевистском правительстве он писал так: "...И вот, когда произошла катастрофа в России, где не осталось других сил, которые могли бы бескорыстно сплотиться для общего блага (разве мог Короленко согласиться с этим утверждением? -- В. Л.), из Америки и Западной Европы вернулось много эмигрантов, энергичных, полных энтузиазма, еще молодых людей, утративших в более предприимчивом западном мире привычную русскую непрактичность и научившихся доводить дело до конца. У них был одинаковый образ мыслей, одни и те же смелые идеи, их вдохновляло видение революции, которая принесет человечеству справедливость и счастье. Эти молодые люди составляют движущую силу большевизма. Многие из них -- евреи: большинство эмигрировавших из России в Америку было еврейского происхождения (эти строки вызывали в эмиграции воодушевление, ибо такая констатация фактов как бы подтверждала устоявшиеся в монархических кругах эмиграции утверждения, что "в России произошла еврейская революция", что "советское правительство является еврейским" и что Россию теперь следует называть "Советской Иудеей"; для Короленко эти строки были, конечно, крайне неприятными. -- В. Л.), но очень мало кто из них настроен националистически. Они борются не за интересы еврейства, а за новый мир (эти утверждения вызывали в эмигрантских кругах гомерический хохот. -- В. Л.). Большевики отнюдь не намерены продолжать традиции иудаизма, они арестовали большую часть сионистских лидеров и запретили преподавание древнееврейского языка, как "реакционного" (на примере Шнеерсона

мы видели, что Короленко к этим "мероприятиям" относился крайне отрицательно. -- В. Л.). Некоторые из самых видных большевиков, с которыми я встречался, были вовсе не евреи, а светловолосые северяне (в этом слове "некоторые" -- несмыслимый позор России, продолжающийся вот уже около века. -- В. Л.). У Ленина, любимого вождя всего живого и сильного в сегодняшней России, татарский тип лица, и он, безусловно, не еврей" (с. 43). В эмиграции в это время была любимая игра: монархисты составляли списки руководителей советской России с указанием их национальности, и получалась картина удручающая -- русских там было очень мало; сионисты же в своей "Еврейской трибуне" уточняли эти данные, и у них получалась уже совсем иная картина -- более или менее "приемлемая; при этом монархисты сокрушались по поводу русского происхождения Ленина и Луначарского. Знали бы они их истинное происхождение!

Многие места в книге вызвали буквально ярость в эмигрантских кругах, но особое внимание привлекло следующее заключение, сделанное английским писателем: "Если мы поможем какому-нибудь новому Врангелю свергнуть не такое уж прочное московское правительство, ошибочно полагая, что этим самым установим "представительный строй" и "ограниченную монархию", мы можем весьма сильно просчитаться. Всякий, кто уничтожит теперешнюю законность и порядок в России, уничтожит все, что осталось в ней от законности и порядка. Разбойничий монархический режим оставит за собою новые кровавые следы по всей русской земле и покажет, на какие грандиозные погромы, на какой террор способны джентльмены, пришедшие в ярость: после недолгого страшного торжества он распадется и сгинет..." (с. 48). И еще: "Для того чтобы удержать власть, коммунистическое правительство создало Чрезвычайную Комиссию, наделив ее почти неограниченными полномочиями, и красным террором подавило всякое сопротивление. Красный террор повинен во многих ужасных жестокостях; его проводили по большей части ограниченные люди, ослепленные классовой ненавистью и страхом перед контрреволюцией, но эти фанатики по крайней мере были честны. За отдельными исключениями, расстрелы ЧК вызывались определенными причинами и преследовали определенные цели, и это кровопролитие не имело ничего общего с бессмысленной резней деникинского режима, не признававшего даже, как мне говорили, советского Красного Креста. И, по-моему, сейчас большевистское правительство в Москве не менее устойчиво, чем любое правительство в Европе..." (с. 37--38).

Конечно, такого рода выводы, оправдывающие фактически красный террор и низводящие Добровольческую армию на уровень "разбойников", вызвали в монархических рядах эмиграции подозрение, что Уэллс писал свою книгу в соавторстве с кем-то из бойких на перо большевиков или "попутчиков" (намекали даже на Горького).

⁴ Какие же мысли английского писателя проникли в сердце полтавского мыслителя и заставили его "примириться" и с содержанием книги и с выводами "фантаста"?

Уэллс очень настойчиво, через всю книгу проводил генеральную мысль: несмотря ни на что, Россию могут спасти только большевики! Вот вариации этой мысли:

"Я сразу же должен сказать, что это единственное правительство, возможное в России в настоящее время. Оно воплощает в себе единственную идею, оставшуюся в России, единственное, что ее спланирует" (с. 11).

"И во всей России, и среди русских, разбросанных по всему свету, была лишь одна организация, объединенная общей верой, общей программой; это была партия коммунистов" (с. 36).

"Крушение цивилизации в России и замена ее крестьянским варварством (вспомним "крестьянскую державу" Б. Савинкова! -- В. Л.) на долгие годы отрезет Европу от богатых недр России, от ее сырья, зерна, льна и т. п. Страны Запада вряд ли могут обойтись без этих товаров. Отсутствие их неизбежно поведет к общему обнищанию Западной Европы.

Единственное правительство, которое может сейчас предотвратить такой окончательный крах России, -- это теперешнее большевистское правительство, при условии, что Америка и западные державы окажут ему помощь. В настоящее время никакое другое правительство там немыслимо. У него, конечно, множество противников, -- всякие авантюристы и им подобные готовы с помощью европейских государств свергнуть большевистское правительство, но у них нет и намека на какую-нибудь общую цель и моральное единство, которые позволили бы им занять место большевиков. Кроме того, сейчас уже не осталось времени для новой революции в России. Еще один год гражданской войны -- и окончательный уход России из семьи цивилизованных народов станет неизбежным. Поэтому мы должны приспособиться к большевистскому правительству, нравится нам это или нет" (с.79).

По сути, Короленко в конце своего письма к Горькому соглашается с этими высказываниями Уэллса, добавляя лишь к этому спасительное: "всякий народ заслуживает то правительство, какое имеет", и выражая в высшей степени сомнительную надежду на то, что большевики "повернут к свободе".

⁵ Комнезаможи -- комитеты незаможных селян, то же, что и комбеды в РСФСР.

10 августа 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Чувствую, что немного запоздал с "обращением". Я все хвораю и, кроме того, не мог не написать Вам того, что у меня лежало на душе: голод у нас не **стихийный, а искусственный**¹, и, пока мы не избавимся от некоторых наших приемов, мы из него не выйдем. Я, разумеется, в обращении этого не напишу, но мне нужно было написать это кому-нибудь. Я и написал Вам и Комитету.

Теперь очередь за обращением. Но как его сделать, -- я еще не знаю. Я, положим, уже его написал, но сам им недоволен. У меня нет свежих данных, а приятели статистики, к которым я написал по этому поводу, -- до сих пор не ответили (вероятно, медленность почты, а может быть, и потеря письма). Как бы то ни было, это теперь на очереди, и надеюсь вскоре пришлю (дня через три). Если не будет свежих данных, пришлю на основании наличного материала.

Слышал, что Вы уезжаете за границу. Желаю Вам от души успеха. Сделайте предварительно все, что сможете, для того, чтобы изменить систему. Иначе ничего не выйдет.

А теперь еще раз желаю всяческого успеха. Россия погибает.

10-е августа 1921 г.

Ваш Вл. Короленко

Простите, что это письмо, за хлопотами, не успел отправить с предыдущим. Исправляю это теперь.

Впервые: "Память". Исторический сб. Париж. Вып. 4, 1981, с. 399--400.

¹ Короленко сообщал этот чудовищный факт на основе сведений, которые он получал с мест. В архиве писателя сохранились различные обращения крестьян (да и рабочих), требовавших организации власти без коммунистов. Неверными в связи с этим представляются размышления Уэллса относительно того, что крестьяне имеют "сытый вид", что живется им при советской власти лучше, чем при царе, и что периодические стычки их с большевиками объясняются тем, что "крестьяне стараются повольтоннее устроиться при существующем режиме" (Указ. соч., с.15).

14 сентября 1921 г.

Дорогой Алексей Максимович.

Отвечаю на Ваше письмо от 31 августа¹. Ранее не мог. Я сильно болен. Ранее также обращение к Европе написать не мог, а с тех пор произошло много событий. Не верится мне, правду сказать, в измену Кишкина². Не такие люди Кускова, Прокопович и Кишкин, чтобы затевать такие штуки. Я получил от Кусковой письмо³, из которого видна ее "лойяльность". Не думаю, чтобы она хитрила со мною, и вообще вся эта история очень печальная. Я получаю письма с жалобами на них, с обвинениями в "соглашательстве" и с упреками в измене "убеждениям". Думаю, что и это неверно. Они держатся твердо одной линии, какую раз наметили. Вообще, история эта печальная и много повредит делу помощи голодающим. Мне в ней чувствуется политиканство и худшее из политиканств, политиканство правительственное⁴.

Я сильно болен, и врачи воспретили мне всякие волнующие мысли. Болезнь затянулась, и вот почему воззвание до сих пор не написано. Врачи угрожают, что если я не поберегусь, то я могу потерять совсем работоспособность. Уже из почерка моего вы можете это видеть. А я еще считаю, что могу еще приподняться. Поэтому решил немного побережусь...

Вл. Короленко

Многоуважаемый Алексей Максимович.

Отцу стало хуже, и я кончаю за него письмо к Вам. Его чрезвычайно волнует вопрос о судьбе арестованных членов Общественного Комитета. Обвинения против них выдвинуты очень тяжкие, а отец не может допустить мысли об их виновности. Слишком это не вяжется с характером его переписки с Кусковой. Он очень просит Вас поэтому прислать, хотя кратко, какие-либо данные по этому делу. В какой стадии это было и что грозит обвиняемым.

Приняв на себя звание почетного председателя, отец принял его не как пустую формальность, он не позволял себе таких формальностей никогда. Он дал свое имя Общественному Комитету потому, что по существу разделяет взгляды стоящих во главе на общественную помощь голодающим в данный момент. Поэтому он считает и свое имя задетым всей этой историей, -- считает, что не может остаться в стороне.

Поэтому большая личная просьба с его стороны осведомить его с положением дела Общественного Комитета.

С уважением С. Короленко

14 сентября 1921 г.

Впервые: "Память". Выпуск 4, с. 401.

¹ В письме от 31 августа Горький сообщал: "Вы, вероятно, знаете уже, что Московский -- "Всероссийский" -- комитет закрыт и все его члены -- за исключением В. Н. Фигнер, Л. А. Тарасевича, Диатроптова и еще пяти -- арестованы. Мотивы роспуска Комитета изложены в статьях советской прессы, но не настолько убедительно, чтобы я мог понять их, тем более непонятны для меня мотивы ареста. Все это случилось в субботу, 27-го.

Ранее того -- 24 -- Петроградский областной комитет, в котором я был председателем, а С. Ф. Ольденбург -- заместителем моим -- получил от Петросовета телефонограмму, которая предлагала "немедленно прекратить" деятельность Комитета. Собрав президиум, я огласил телефонограмму и заявил о моем отказе от чести быть председателем Комитета, а также и об выходе из членов Всероссийского, -- об этом немедленно была послана телеграмма в Москву, Председателю Всерос. ком. -- Льву Каменеву... Вот каково положение... Настроение отвратительное. Извините меня, если я кончу письмо, -- сил нет писать, руки дрожат..." (М. Горький. Неизданная переписка, с. 170--171).

Это письмо Горького требует некоторых пояснений.

Помгол был разогнан 27 августа 1921 года постановлением ВЦИК. Этот орган, как всегда в такого рода случаях, оформлял решения, принятые фактической властью в стране, в данном случае решение было принято лично Лениным и поддержано Политическим бюро. Записка Ленина под названием "И. В. Сталину и всем членам Политбюро ЦК РКП(б)" от 26 августа не только раскрывает сущность дела, но и великолепно показывает стиль работы большевистского руководства. Прочитываем записку Ленина с максимальной полнотой:

"т. Сталин! Наглейшее предложение Нансена (назначить кадета из Комитета помощи) {Ленин ранее согласился с требованием Нансена, который обусловил помощь продовольствием населению Петрограда участием в ее распределении иностранного представителя, но категорически отверг назначение туда же кадета.}, поведение этих "Кукишей" {"Кукиш" -- ироническое сокращение фамилий Кусковой и Кишкина. В ходу также был "Прокукиш" (с добавлением Прокоповича).} и прилагаемая телеграмма яснее ясного показывают, что мы ошиблись. Или если не ошиблись раньше, то теперь жестоко ошибемся, если прозеваем.

Вы знаете, что Рыков незадолго до своего отъезда пришел ко мне и сказал, что некий Рунов, свой человек, рассказал ему о собрании, на котором Прокопович держал противоправительственные речи. Собрание это устроил Прокопович, прикрывался он Комитетом помощи голодающим.

Чего же еще ждать теперь? Мыслимо ли терпеть их явную подготовку?

Абсолютно немислимо.

Предлагаю: сегодня же, в пятницу, 26/8, постановлением ВЦИКа распустить "Кукиш" -- мотив: их отказ от работы, их резолюция...

Прокоповича сегодня же арестовать по обвинению в противоправительственной речи (на собрании, где был Рунов) и продержать месяца три, пока обследуем это собрание тщательно.

Остальных членов "Кукиша" тотчас же, сегодня же выслать из Москвы, разместив по одному в уездных городах по возможности без железных дорог, под надзор.

Ей-ей, ждать еще -- ошибка будет громадная. Пока Нансен не уехал, дело будет сделано; Нансену поставлен будет ясный "ультиматум". Игре (с _о_г_н_е_м) будет положен конец.

Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого "правительственного сообщения": распущен за нежелание работать.

Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать "Кукишей". Баричи, белогвардейцы, хотели прокатиться за границу, не хотели ехать на места. Калинин поехал, а кадетам "не вместно". Из всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев.

Больной зуб будет удален сразу и с большой пользой во всех отношениях.

Не надо колебаться. Советую сегодня же это покончить в Политбюро.

Иностранцы начнут приезжать, надо "очистить" Москву от "Кукишей" и прекратить их игру (с огнем). Покажите это членам Политбюро".

Ленин знал, кому поручать дела, требующие пунктуального исполнения. Задание Ленина было исполнено в точности: Политбюро ЦК 27 августа приняло решение об аресте членов Помгола "ввиду их контрреволюционной деятельности", ВЦИК тут же оформил это постановление, газета "Правда" (30 августа) опубликовала "правительственное сообщение", а пресса развернула против арестованных мощную травлю.

Этот ленинский документ проясняет почти всю ситуацию, но не освещает ее нюансы. Поэтому важно посмотреть на все это дело со стороны противной. Имеются воспоминания Кусковой, Осоргина и других активнейших участников этого противостояния. Но мы воспользуемся воспоминаниями Б. К. Зайцева, менее политизированного члена Помгола и более объективного. Вот некоторые фрагменты из его воспоминаний ("Веселые дни", соч. в 3-х томах, т. 2, с. 472--483):

"...Осоргин многозначительно сообщил, что в городе организован Комитет Помощи Голодающим, состоять он будет из "порядочных" людей, но под контролем власти. Голод в то лето правда был ужасный... Власть растерялась. И под минутой паники согласилась на "Общественный Комитет". Нам, представителям литературы, предложили тоже войти... Предложение шло от Прокоповича, Кусковой и Кишкина. От "власти" председателем назначили Каменева...

На другой день уже весь город знал о Комитете. Тогда еще считали, что "они" вот-вот падут. Поэтому Комитет мгновенно зарисовали. Было целое течение, считавшее, что это -- в замаскированном виде -- будущее правительство! Другие ругали нас, среди них С. П. Мельгунов, "за соглашательство": ведь мы должны были работать под покровительством Льва Борисовича...

Мы ходили в переулочек у Арбата к Кусковой. В ее квартире шла непрерывная суматоха. Являлись, совещались, заседали. Смесь барства, интеллигентства с крепкой настойкой Москвы... И Сергей Николаевич и Екатерина Дмитриевна были очень серьезны. Их положение не из легких. Все это они затеяли, предстояло найти линию и достойную, и осуществимую... Мы составили литературную группу. Осоргин редактировал газету Комитета -- "Помощь". Ее внешний вид вполне повторял "Русские ведомости". Как только появился первый номер, по Москве прошел вздох. "Теперь уж падут! "Русские ведомости" вышли, стало быть, уж капут!"...

Подготовительная часть у Кусковой окончилась, открылись собрания уже с "ними"... "Наших" было числом гораздо больше: профессора, статистики, агрономы, общественные деятели, литераторы, -- вроде парламента... С "их" стороны: Каменев, Рыков, Луначарский. Большинство было у "нас", права "наши" считались большие, и настроение (в наивности нашей) такое:

-- А п-па-звольте спросить, милостис-дарь, а н-на каком основании вы изволили обобратить Нижегородскую губернию? А н-не угодно ли вам будет срочно отправить пятьсот вагонов в Самар-р-рскую?...

Из этих шумных заседаний я вынес такое наблюдение: "они" и "мы" -- это название комедии Островского "Волки и овцы". У них зуб, наглость, жестокость... "Мы"

настаивали, чтобы была послана в Европу делегация от Комитета, чтобы можно было собрать там денег, раздобыть хлеба и двинуть в голодные места. "Им" это не так-то нравилось. Началась торговля. То ли мы им должны уступить, то ли они нам...

Мы собрались в свой особняк часам к пяти, на заседание, как было назначено. Сегодня решалось все дальнейшее. Комитет поставил ультиматум: или нашу делегацию выпускают в Европу для сбора денег, или мы закрываемся, ибо местными силами помочь нельзя. Настроение нервное, напряженное... Время идет, вечереет. Под окнами какие-то куртки, а Каменева все нет... Помню, -- в прихожей раздался шум... сразу стало ясно: идет беда. В следующее мгновение с десятков кожаных курток с револьверами, в высоких сапогах, бурей вылетели из полусумрака передней, и один из них гаркнул:

-- Постановлением Всероссийской Чрезвычайной Комиссии все присутствующие арестованы!..

...Мы остановились у "приветливых" дверей дома "России", на Лубянской площади... Здесь перст Судьбы сортировал: жизнь -- смерть, смерть -- жизнь. Кускову, Прокоповича и Кишкина очень скоро увели от нас во внутреннюю тюрьму... Клонили к тому, чтобы весь наш Комитет рассматривать как "заговор" и соответственно расправиться... Прокопович, Кишкин и Кускова в эти дни были на черте смерти. Их гибель была решена, спасло вмешательство Нансена. Насколько знаю, он поставил условием своей помощи сохранение их жизней.

Что можно прибавить о нас? Кускова, Прокопович, Кишкин, Осоргин и еще некоторые просидели долго. Потом были сосланы. Потом попали за границу. Пользы голодающим мы, конечно, не принесли. Предсказания наших жен при начале Комитета ("через месяц будете все в чека") с точностью осуществились... Мы ошиблись в расчете. Но мне не стыдно, что я сидел. И Кусковой не стыдно... Ну а вот Каменеву..."

² Н. М. Кишкин, один из руководителей Помгола, подвергся новым испытаниям: ему было предъявлено обвинение в связях с тамбовскими повстанцами Антонова и проч. Как мы уже знаем, вмешательство Нансена спасло ему жизнь.

³ Речь идет о письме Е. Д. Кусковой к Короленко (от 22 августа), в котором она обращалась к писателю с просьбой написать воззвание к Европе и давала развернутую характеристику задач Помгола, а также подчеркивала важность сотрудничества с правительством большевиков в сложившихся чрезвычайных условиях массового голода (ОР РГБ, ф. 135/III, к.1, ед. хр. 37). Короленко в ответном письме одобрил "линию, которую взял комитет", и выразил недоумение по поводу "подозрительности правительства" (там же, ф. 135/11, к.16а, ед. хр. 43).

⁴ Это "политиканство правительственное" имело отрицательные последствия не только для членов Помгола, но прежде всего для населения. Впрочем, разве можно сравнивать неприятности "прокукишей" с массовой гибелью простого народа от голода?!